

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

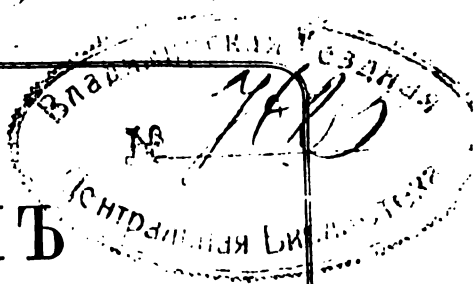
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

PSlav 318.10

^A
~~PSlav 318.10~~

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

180
ЧАСТЬ СЛХХХ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Большая Садовая, д. № 49—2).

1875.

СОДЕРЖАНІЕ.

- ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДАДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА Г. МИНИСТРА НА-
РОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1873 ГОДЪ.
Правительственные распоряженія.
Борьба между представителями великорус-
скаго и малорусскаго направленія въ
Великороссіи въ концѣ XVII и началѣ
XVIII вѣковъ С. Любимова.
Святѣйшій синодъ и отношенія его къ
другимъ государственнымъ учрежде-
ніямъ при Императорѣ Петрѣ I Н. Востокова.
Новгородская Софійская казна Е. Прилежаева.
Объ одной славянской рукописи, находя-
щейся въ Париской публичной библио-
текѣ. О. Буславва.
Критика и библиографія:
Полный курсъ коммерческой бухгалтеріи. П. И. Рейн-
бота В. Т—ргъ.
Теорія торговаго счетоводства по новой системѣ.
О. Езерскаго. Его же.
Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1873
годъ, представленный г. министру народнаго
просвѣщенія директоромъ Библиотеки статсъ-
секретаремъ Деляновымъ.
Указатель статей «Морскаго Сборника» 1848—1872 г.
Составилъ И. Петровъ.
Одна изъ нашихъ южно-германскихъ гим-
назій Шмидта.
Извлеченіе изъ годоваго отчета Николаев-
ской главной обсерваторіи.
Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) историко-
филологическій институтъ.
Рѣчь на актѣ Императорскаго историко-
филологическаго института. А. Знаменскаго.
Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1874 г.
Письмо изъ Парижа Л. Л—ра.
Отдѣлъ классической филологіи. (См. на 3-й стр. обѣртки.)

БОРЬБА МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВЕЛИКОРУССКАГО И МАЛУРУССКАГО НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ВЕЛИКОРОССІИ ВЪ КОНЦѢ XVII И НАЧАЛѢ XVIII ВѢКОВЪ.

I.

Конѣцъ XVII и начало XVIII столѣтія составляютъ замѣчательную и интересную страницу въ русской исторіи. Это было, какъ извѣстно, время реформъ, время протеста стараго порядка вещей противъ новыхъ началъ, — протеста, проникавшаго весь организмъ русской жизни. Протестъ этотъ по преимуществу обнаруживался въ Вѣликороссіи. Онъ направлялся противъ нововведеній западнаго, нѣмецко-протестантскаго міра и отчасти противъ римско-католическаго вліянія, которое проникало къ намъ изъ Южной и Западной Руси и имѣло у насъ немалое число послѣдователей.

Обыкновенно, при изложеніи русской исторіи конца XVII и начала XVIII столѣтія, обходятъ это вліяніе; оно разсматривается, и притомъ мимоходомъ, только въ подробныхъ и ученыхъ изложеніяхъ нашей исторіи, а между тѣмъ оно было однимъ изъ выдающихся явленій въ русской жизни конца XVII и начала XVIII вѣковъ, по связи съ другими, слишкомъ рельефными событіями этого періода и по громадному значенію своему для будущаго... Вліяніе это шло къ намъ по преимуществу изъ Малороссіи. Въ половинѣ XVII столѣтія въ Москвѣ, появился воспитанникъ Кіевской академіи, извѣстный Симеонъ Полоцкій. Онъ первый началъ соблазнять русскихъ людей латинскими идеями. Затѣмъ, тѣ же идеи были распространены его ученикомъ, Сильвестромъ Медвѣдскимъ. Подъ руководствомъ послѣдняго образовалась въ Москвѣ цѣлая партія, подчинившаяся католическому вліянію; въ Москвѣ появилось множество сочиненій, наполненныхъ идеями католицизма, все болѣе и болѣе проникавшими въ массы. Это вызвало религіозное волненіе, и на-

чавшееся еще со времени Симеона Полоцкого (западно-католическое направление котораго замѣчено было патріархомъ Іоакимомъ и Епифаніемъ Славинецкимъ) нерасположеніе къ католическимъ идеямъ, въ концѣ XVII вѣка превратилось въ открытую борьбу между ревнителями русской старины и русскаго благочестія и представителями латинскихъ новшествъ. Эта борьба приняла по немногу ожесточенный характеръ; съ нею соединилось извѣстное волненіе стрѣльцовъ и раскольниковъ противъ патріарха и великихъ князей (замысль Шекловитаго). Она увлекла огромную массу Русскихъ людей и разгорѣлась до такихъ размѣровъ, что не ограничивалась предѣлами Великороссіи; къ участію въ ней были призваны представители южно-русской церкви, по поводу ея начались сношенія съ восточными патріархами. Наконецъ въ 1690 г. созванъ былъ соборъ, на которомъ подробно и обстоятельно была рассмотрѣна возникшая смута, при чемъ оказалось, что западно-католическія начала запесены къ намъ изъ Малороссіи и изъ Польши (черезъ Малороссію), что вся эта ересь произошла „отъ новотворныхъ Кіевскихъ книгъ“ и проч. Словомъ, на соборѣ, какъ нельзя лучше, выяснилось участіе Малороссіи и ея цивилизаціи въ этой смутѣ.

Находясь въ сосѣдствѣ съ католическою Польшею, Малороссія, а вмѣстѣ съ нею и Юго-Западная Россія еще съ XVI столѣтія подпали подъ непосредственное вліяніе этой страны. Вліяніе это обнаруживалось во внутренней жизни Малоруссовъ и Западно-Руссовъ: ихъ бытъ ¹⁾, религія ²⁾ и особенно въ характерѣ просвѣщенія, которое замѣтно стало создаваться здѣсь по латинско-польскому образцу. Въ XVII столѣтіи мы находимъ здѣсь школы (извѣстныя братскія школы), устроенныя по образцу среднихъ училищъ, существовавшихъ въ Польшѣ и другихъ странахъ Европы, вполне усвоившія себѣ ихъ уставъ, одинаковыя съ ними программы ³⁾, и вѣроятно, всю поста-

¹⁾ Разумѣемъ Южно- и Западно-Руссовъ высшаго и средняго классовъ, которые въ это время создавали свой бытъ и свою жизнь, по образцу жизни польскихъ пановъ и шляхты.

²⁾ Разумѣемъ католическую унию, господствовавшую въ XVI и XVII вѣкахъ въ Южной и Западной Руси.

³⁾ Въ программы этихъ школъ, какъ показываютъ сохранившіеся свѣдѣтельства, входило, прежде всего, преподаваніе латинскаго языка; затѣмъ преподавались: грамматика, пѣніе, исторія, философія, діалектика, риторика и проч. Безъ сомнѣнія, такая программа могла быть заимствована не отъ Грековъ, у которыхъ просвѣщеніе въ это время находилось въ упадкѣ, а отъ западно-европейскихъ училищъ.

новку школьной жизни. Школы эти находились въ Львовѣ, Вильнѣ, Полоцкѣ, Стрипти, Луцкѣ, Кіевѣ и другихъ мѣстахъ. Впослѣдствіи между ними возвысилась Кіевская братская школа ¹⁾, превратившаяся въ академію, при чемъ еще болѣе усилилось ея латинское направленіе и западный характеръ. Этимъ опредѣляется значеніе упомянутыхъ училищъ. Хотя цѣль ихъ была строго православная и національная—утвердить православіе въ массѣ и поддержать въ ней привязанность къ родинѣ, но въ дѣйствительности онѣ приводили нерѣдко къ противоположнымъ результатамъ. Также, какъ и польскія школы, онѣ сдѣлались источникомъ западнаго схоластицизма, который проникъ въ жизнь Южной и Западной Руси и незамѣтно сѣялъ въ ней сѣмена католицизма. Особенно слѣдуетъ это замѣтить о Кіевской академіи.

Основателемъ ея, какъ извѣстно, былъ Петръ Могила. Аристократъ по происхожденію, получившій европейское образованіе, служившій въ польской службѣ, а потомъ сдѣлавшійся архимандритомъ Киевопечерскимъ и митрополитомъ Кіевскимъ, Могила заплатилъ значительную дань своему времени и окружавшему его польско-католическому міру: при всей его ревности къ православію, въ немъ замѣтно примиреніе со многими формами и обычаями католицизма. Это доказываютъ его сочиненія ²⁾ и особенно просвѣтительная дѣятельность по устройству академіи, получившей подъ его вліяніемъ несомнѣнно католическій характеръ, вслѣдствіе чего она и оказала важную услугу распространенію католическаго вліянія въ Южной и Западной Руси.

Задумавъ преобразование Богооявленской братской школы, Могила постарался приготовить европейски образованныхъ людей для будущаго заведенія и съ этою цѣлью отпращивалъ нѣсколько даровитыхъ бѣльцевъ и черноризцевъ въ заграничныя училища, для образованія изъ нихъ учителей въ новомъ латинскомъ направленіи. Въ

¹⁾ Богооявленская братская школа.

²⁾ Въ сочиненіи «Анеологія, сирѣчь молитвы и поученія душеполезныя», обращенномъ къ шляхетной, богобоязненной молодежи и всѣмъ вообще «благонравнымъ студомъ кіевскимъ», Петръ Могила предлагаетъ нравственно-религіозныя правила поведенія молодежи почти въ той же самой формѣ, въ какой онѣ предлагались во всѣхъ католическихъ западно-европейскихъ школахъ того времени. А въ сочиненіи «Лѣто» онъ очень замѣтно выражаетъ свое убѣжденіе въ необходимости латинскаго и польскаго языковъ для русскаго жителя польскихъ провинцій.

1631 году они возвратились, и Могила, получивъ благословеніе патріарха Кирилла Лукаря, завелъ, какъ говоритъ митрополитъ Евгеній ¹⁾, въ Кіевскихъ школахъ, по примѣру іезуитскихъ коллегій, полный курсъ словесныхъ наукъ отъ нижнихъ классовъ до философіи и богословія, при чемъ, безъ сомнѣнія, латинскому языку предоставлено было самое видное мѣсто.

Въ новомъ заведеніи не только школьные порядки, начальническія должности, обязанности наставниковъ и вышній строй ученія ²⁾ были заимствованы изъ западныхъ іезуитскихъ коллегій, но вмѣстѣ съ тѣмъ наставники, воспитавшіеся въ заграничныхъ академіяхъ и университетахъ, приесли съ собою схоластическое богословіе; преподававшееся въ іезуитскихъ коллегіяхъ; явился Тома Аквинатъ и другіе западные авторитеты, встрѣчающіеся въ сочиненіяхъ извѣстныхъ Кіевскихъ ученыхъ; появился Аристотель, имя котораго сроднилось съ западнымъ богословіемъ и имѣло исключительный авторитетъ въ философіи. Вмѣстѣ съ Аристотелемъ и латинскимъ языкомъ, изучались замѣчательныя лица древняго міра; почетное мѣсто заняли также естественныя науки, плодъ арабской цивилизаціи, благосклонно принятый западно-католическими училищами.

Но такая программа, представлявшая механическое сочетаніе христіанскаго съ языческимъ, богословія съ Аристотелемъ, догматовъ съ силлогизмами и отцевъ церкви съ языческими философами, безъ сомнѣнія, не заключала въ себѣ здравыхъ и трезвыхъ началъ для истиннаго воспитанія и образованія человѣка; она не дѣлала его строго ученымъ, унося его въ созерцательную область, а съ другой стороны, не дѣлала его и христіаниномъ, вставляя религіозное вѣрованіе скорѣе въ рамки церковныхъ и догматическихъ свѣдѣній и убѣжденій разсудка, чѣмъ истинныхъ началъ вѣры, проводимыхъ въ жизнь. Такая система образованія не давала въ концѣ концовъ истиннаго человѣка. Она наполняла умъ ученика всевозможными, самыми разнообразными свѣдѣніями, изощряла его память, развивала разсудокъ, невольно располагая ученика къ разсудочнымъ комбинаціямъ и разсужденіямъ, находившимъ широкое примѣненіе въ тогдашнихъ спорахъ и диспутахъ. Эта система развивала въ ученикѣ находчи-

¹⁾ Въ Словарѣ о писат. духовнаго чина.

²⁾ О внутреннемъ устройствѣ училища Петра Могила, его уставѣ и программѣ см. въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ о Кіевской академіи, каковы: іеромонаха *Макарія Булакова* и *Аскоченскаго*, также и въ другихъ сочиненіяхъ.

вость и умственную изобрѣтательность, развивала въ немъ увертливость, заглушая и подавляя внутреннее прирожденное челоуѣку чувство прямоты и искренности; она дѣлала изъ ученика бездушнаго діалектика, направляя его развитіе болѣе на сухія, разсудочныя формы, чѣмъ на воспитаніе въ немъ глубокихъ убѣжденій и горячаго религіознаго чувства.

Споры и диспуты, заведенныя въ новой академіи по примѣру іезуитскихъ коллегій, развивали страсть къ полемикѣ, которая легко принимала личный характеръ и переходила въ личную неприязнь, граничившую неизбежно съ нетерпимостью, даже религіозною, столь свойственною іезуитамъ. А гдѣ нетерпимость и личная неприязнь, тамъ челоуѣкъ удаляется, безъ сомнѣнія, отъ своего высшаго идеала, привязывается только къ жизни, привыкаетъ чрезъ мѣру цѣпить земныя блага, начинаетъ жадать, искать этихъ благъ, пренебрегая всѣмъ высшимъ при достиженіи своихъ цѣлей. Таковы были іезуиты. Такими же угрожала сдѣлать система Петра Могилы и своихъ, Кіевскихъ питомцевъ. Она принесла въ Кіевскую академію риторикѣ, отвела ей здѣсь почетное мѣсто, и прошло немного времени, какъ въ учрежденіи Петра Могилы явилась латинская и польская поэзія, явились панегирики, витіеватыя привѣтствія и посвященія, на этихъ языкахъ на ряду со славянскимъ, явилось взаимное ласкательство, и особенно ласкательство сильныхъ. А если прибавить, что эти панегиристы, любя земное, любили все деликатное, утонченное, свѣтское, любили высшія формы жизни, для которыхъ нужны средства, деньги, если прибавить, что эти панегиристы и ласкатели дѣйствительно жаждали денегъ, являясь въ жизни, прежде всего, практиками и искателями житейскихъ удобствъ, то составитъ очень непривлекательная картина результатовъ такого воспитанія. Окажется, что оно скорѣе могло приготовить искателей житейскихъ благъ и почестей, чѣмъ честныхъ и самоотверженныхъ борцовъ за вѣру и родину. И дѣйствительно, Кіевская коллегія польстила больше всего панскимъ прихотямъ и аристократическимъ требованіямъ и очень мало удовлетворила нуждамъ низшаго сословія Юго-Западной Руси, которое было угнетаемо ксендзами а также польскими и нерѣдко своими папами.

А между тѣмъ это заведеніе призвано было создавать цивилизацію своей страны. Изъ него выходили духовные, гражданскіе и общественные дѣятели, и конечно, эти дѣятели по-своему регулировали жизнь своего отечества. Духовные нерѣдко примирялись съ

уіеі, а тѣ изъ воспитанниковъ академіи, которые, пройдя курсъ риторики и диспуацій, дѣлались вполнѣдствіи общественными и граждапскими дѣяателями, были весьма часто на своей должности чуждыми народу по своему внѣшнему положенію и тенденціямъ, честолюбивыми папами, магнатами, или льстивыми и задорными шляхтичами.

Такимъ образомъ, западно-католическое вліяніе и польско-шляхетный складъ давали свое направленіе Южной и Западной Руси въ XVII столѣтіи, и это направленіе, по его средоточію въ Кіевѣ, можно назвать кіевскимъ. Этимъ именно направленіемъ и были заражены тѣ представители малорусской цивилизаціи, которые, появившись въ Москвѣ, сдѣлались виновниками возникшей тамъ борьбы между Великоруссами и Малоруссами.

Но прежде чѣмъ перейти къ изображенію этой борьбы, необходимо сказать нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ великорусской цивилизаціи этого времени.

Въ Великороссіи въ XVII столѣтіи не было тѣхъ школъ, какія мы сейчасъ видѣли въ Южной и Западной Россіи. Если тамъ и встрѣчались глубоко и серьезно образованные люди, то они или вышли изъ той же Кіевской коллегіи, какъ напримѣръ, патріархъ Іоакимъ и другіе, или обязаны были своимъ образованіемъ монастырямъ, въ которыхъ по прежнему продолжала сосредоточиваться великорусская грамотность. Монастыри по прежнему были главными разсадниками великорусской образованности и просвѣщенія. Въ нихъ писались и исправлялись книги, дѣлались переводы и проч. Но за то и образованными людьми были по преимуществу иноки. Въ тѣсной кельѣ, при скудныхъ средствахъ и суровой обстановкѣ, эти люди проходили книжное ученіе. Въ монастырской тиши они прилежно изучали Священное Писаніе и писанія св. отцевъ, и благодаря этому, безхитростно, въ простотѣ души воспитывали въ себѣ чистое, не поврежденное православіе. Правда, они были нѣсколько грубы, но подъ ихъ грубою внѣшнею оболочкою всегда скрывалась живая вѣра и теплое, христіанское чувство. Если въ нихъ и не доставало діалектическаго развитія, за то не было недостатка въ трезвости и ясности взгляда на все окружающее. Въ противоположность адептамъ кіевской цивилизаціи, эти люди не имѣли склонности къ комфорту и къ внѣшнимъ благамъ. Имъ были чужды удовольствія и жизнь въ избыткѣ. Оттого-то мы и видимъ, что въ то время, какъ Кіевскій монахъ Симеонъ (Полоцкій) жилъ въ богатой кельѣ и имѣлъ лошадей и челя-

динцевъ, „пречестный отецъ Евѳимій“ (ипокъ Евѳимій, извѣстный сираникъ XVII и XVIII столѣтій), потрудившійся не меньше его, обиталь въ тѣсной кельѣ, и между тѣмъ какъ тотъ, не стѣняясь монашескою рясой, съ любовію и даже увлеченіемъ занимался общественными и политическими дѣлами, проводя въ этихъ занятіяхъ жизнь полную и широкую,—Евѳимій безкорыстно трудился на пользу Русскому народу и русской церкви, не имѣя въ виду никакой другой цѣли.

Такая противоположность полагала весьма рѣзкое различіе между представителями обоихъ направленій: кіевскаго и великорускаго, и это различіе какъ нельзя лучше выяснилось въ исторіи нашей борьбы. Въ этой борьбѣ мы видимъ представителей указанныхъ направленій во всей ихъ противоположности.

Что же составляло предметъ этой борьбы?

Предметомъ ея были религіозные вопросы, и кстати замѣтить, противники съ той и другой сторонъ были всѣ — лица духовныя, вслѣдствіе чего и преобладающій характеръ борьбы былъ религіозный. Но это, однако, еще не даетъ права считать ее только религіозною. Если даже въ наше время, въ какомъ-либо теоретическомъ спорѣ, противники не всегда выдѣляютъ свой личный элементъ,—элементъ воспитанія, среды и окружающей обстановки, то тѣмъ болѣе это нужно сказать о русскихъ дѣтеляхъ, принадлежащихъ къ XVII столѣтію. Отъ нихъ никакъ нельзя ожидать тѣхъ качествъ, которыя не всегда отличаютъ просвѣщенныхъ и образованныхъ дѣтелей и нашего времени. Вотъ почему описываемую нами религіозную борьбу можно также назвать борьбою двухъ направленій—великорускаго и малорускаго.

II.

Въ шестидесятыхъ годахъ XVII столѣтія появился, какъ мы сказали, въ Москвѣ воспитанникъ Кіевской академіи, извѣстный Симеонъ Полоцкій. Этотъ человѣкъ былъ первымъ представителемъ въ Москвѣ малорускаго направленія. Появленіе его у насъ было вызвано слѣдующими обстоятельствами.

Въ половинѣ XVII вѣка въ высшихъ слояхъ великорускаго общества замѣтно стало обнаруживаться стремленіе къ просвѣщенію, которому не могли удовлетворить свои грамотники: понадобились новые люди. Между тѣмъ совершилось политическое объединеніе Малороссіи съ Великороссіей (въ 1654 году), а затѣмъ подготовля-

лось и іерархическое объединеніе съ Кіевскою митрополіею (совершившееся въ 1687 году). Великороссія стала ближе къ Юго-Западной Россіи и потому свободнѣе прежняго обратилась къ ней съ запросомъ просвѣщенія и образованія. На призывъ начали являться юго-западные уроженцы, воспитанные въ Кіевской коллегіи и заграничныхъ училищахъ. При недостаткѣ вообще образованныхъ и научно развитыхъ людей на сѣверѣ Россіи, и особенно въ виду пробудившейся потребности къ западному просвѣщенію, этимъ пришельцамъ, образованнымъ по европейски, предстояла у насъ завидная роль по почету и тѣмъ жизненнымъ благамъ, которыя они могли получать, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ образованію и направленію угрожали въ Великороссіи и преграды, не предвидимыя до столкновенія съ ними. Это—великорусская жизнь и не поврежденное русское православіе.

Симеонъ Петровскій Ситіановичъ Полоцкій получилъ первоначальное образованіе въ Кіевской коллегіи; затѣмъ былъ въ польскихъ католическихъ заведеніяхъ, гдѣ находился подъ вліяніемъ іезуитовъ, и наконецъ, постригся въ монашество въ родномъ своемъ городѣ Полоцкѣ.

Образованный по европейски, логікій и свѣтскій, какъ воспитанникъ іезуитовъ, онъ соединялъ съ пріобрѣтеннымъ въ школахъ діалектическимъ развитіемъ живыя способности и краснорѣчіе. Владѣя легкимъ и свободнымъ словомъ, скоро пріобрѣлъ онъ славу не только свѣдущаго и ученаго человѣка, но и блестящаго оратора. Проповѣди его слушались съ большимъ интересомъ, но ему самому было тѣсно въ родной средѣ; онъ жаждалъ широкой дѣятельности, жаждалъ свѣта и блестящей сферы,—и желаніе его скоро исполнилось. Онъ поѣхалъ въ Москву и сдѣланъ былъ наставникомъ Θεодора Алексѣевича. Съ этого времени начинается новая эпоха въ жизни Симеона.

Войдя въ придворную среду, монахъ Симеонъ весьма скоро сталъ въ близкія отношенія ко всѣмъ членамъ царскаго семейства; онъ сдѣлался ихъ постояннымъ собесѣдникомъ и даже воспитателемъ и учителемъ царевны Софьи Алексѣевны. Такая роль пролагала ему блестящій путь къ славѣ и въ то же время вполнѣ соотвѣтствовала его характеру, воспитанію и наклонностямъ. О его личныхъ качествахъ мы можемъ судить по надгробной эпитафіи ¹⁾, начертанной надъ его могилой ученикомъ его и послѣдователемъ Сильвестромъ Медвѣде-

¹⁾ Помѣщ. въ *Древн. Росс. Византинск.* XVIII, стр. 198—9.

вымъ. Медвѣдевъ говоритъ, что всѣ „вѣрные“ любили Полоцкаго и удивлялись его псалобію, тихости и кротости, что онъ былъ „чистоты любитель, воздерженъ въ словѣ и дѣлѣ хранитель“. Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Полоцкій былъ не злобивъ; нѣтъ фактовъ, которые свидѣтельствовали бы о его мстительности и другихъ темныхъ душевныхъ свойствахъ, и напротивъ, даже самъ патриархъ Іоакимъ, безпощадно осудившій его направленіе, называетъ его „добронравнымъ“ ¹⁾ Справедливо также и то, что онъ былъ тихъ и кротокъ; но были ли эти качества выраженіемъ христіанской кротости и покорности своей судьбѣ,—рѣшить довольно трудно. Полоцкій былъ слишкомъ чловѣкъ жизни, чтобы приписать ему нравственную высоту и совершенство; да и гдѣ же онъ могъ получить?... Вѣроятно же всего, что его тихость и кротость были выраженіемъ внутренней сдержанности, умѣнья держать себя такъ, какъ того требовали тонкія и глубокія соображенія, на что намекаетъ и самъ Медвѣдевъ, называя его воздержнымъ въ словѣ и хранителемъ въ дѣлѣ. Обходительный, какъ житель польскихъ провинцій, Симеонъ Полоцкій умѣлъ угадывать лицъ, подлаживаться къ ихъ привычкамъ и требованіямъ и предупреждать обстоятельства. И благодаря тому, онъ держался при дворѣ и до конца своей жизни правилъ всѣмъ членамъ царскаго семейства. Онъ былъ себѣ на умѣ и никогда не обнаруживалъ прямоты и той русской широты и размашистости, которыя свойственны и гениальнымъ, и посредственнымъ Русскимъ людямъ, которыя не укладываются ни въ какія рамки и такъ часто губятъ не знающую удержа натуру. Полоцкій былъ слишкомъ сухъ. У него преобладалъ умъ, тонкій и изворотливый надъ всѣми другими проявленіями души. Онъ всегда умѣлъ найдтись, вовремя, подѣйствовать на кого слѣдуетъ, открыть чловѣку что нужно и раздѣлить съ нимъ пріятное и полезное занятіе. Ему обязаны при дворѣ драматическими представленіями, вносившими разнообразіе въ скучный тогдашній придворный бытъ; онъ же ввелъ при дворѣ риторическую поэзію, процвѣтавшую въ Кіевѣ и Польшѣ, воспѣвая „возвеличеннаго орла Россіи“ ²⁾ и сочиняя стихотворенія на разные случаи. Все это онъ дѣлалъ съ тою цѣлію, чтобы доставить пріятное другимъ и не забыть также

¹⁾ Остенъ (сборникъ конца XVII ст.), печат. изд., стр. 130.

²⁾ Такъ называется Алексѣй Михайловичъ въ стихотворной книгѣ, посвященной ему Полоцкимъ, подъ названіемъ: «Орелъ російскій, въ солнцѣ представленный».

и себя. Изъ писемъ Полоцкаго къ Алексѣю Михайловичу ¹⁾ видно, что онъ былъ обеспеченъ и жилъ очень хорошо, и между тѣмъ въ тѣхъ же письмахъ, онъ всегда жалуется на недостатокъ и скудость средствъ. Хотя у него были и лошади и челядинцы, онъ все-таки требуетъ отъ царя новыхъ вознагражденій.

Такимъ образомъ по своему нравственному характеру и привычкамъ этотъ человѣкъ вполне былъ представителемъ кievскаго направленія. Такимъ же онъ является и по направленію своего образованія и учености. Въ „Остенѣ“ (извѣстномъ сборникѣ конца XVII вѣка) ему приписывается особенное знаніе латинскаго языка; „онъ же Симеонъ“, читаемъ въ Остенѣ, — „книги латинскія чташе, греческихъ же книгъ чтенію не баше искусенъ“ ²⁾, то есть, въ греческомъ языкѣ онъ былъ не особенно свѣдущъ, вслѣдствіе чего писатель „Остена“ не признаетъ его и философомъ: и „той Симеонъ... не бысть философъ“ ³⁾... Значитъ, въ XVII вѣкѣ высшимъ и философскимъ образованіемъ считалось у насъ на Руси то, которое было основано на греческомъ языкѣ; на этомъ языкѣ писали свои сочиненія отцы греческой церкви, чтимые Русскими людьми; этотъ же языкъ изучали по преимуществу и образованные Русскіе люди.

По своимъ религіознымъ вѣрованіямъ, Симеонъ Полоцкій далеко уклонялся отъ восточнаго благочестія, хотя „и сказа себе восточнаго благочестія послѣдователя быти“ ⁴⁾... Въ своихъ сочиненіяхъ, не говоря уже про ихъ схоластическую форму, онъ открыто высказываетъ латинскія мнѣнія. По словамъ „Остена“ онъ написалъ „нѣкая писанія, собирая отъ латинскихъ книгъ, и иная съ тѣхъ же латинскихъ книгъ готовая превесте“ ⁵⁾... Сюда относятся: его „Катихизисъ“ ⁶⁾, „Вѣнецъ вѣры“, „иже сплетенъ не изъ прекрасныхъ цвѣтовъ, богоносныхъ отцевъ словесъ, но изъ бодливаго тернія на западѣ прозябшаго новшества, отъ вымышленій Скотовыхъ, Левиновыхъ, Анзельмовыхъ и тѣмъ подобныхъ еретическихъ блядословій“ ⁷⁾. Въ этомъ

¹⁾ Помѣщены въ *Вѣстникъ Европы* за 1828 годъ.

²⁾ Остенъ, стр. 130.

³⁾ Тамъ же, стр. 71.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 130.

⁵⁾ Остенъ, стр. 131.

⁶⁾ Въ этомъ сочиненіи С. Полоцкій высказываетъ мнѣніе православнаго латинское мнѣніе о времени пресуществленія св. даровъ (см. Катихизисъ С. Полоцкаго, въ рукописи Сое. библ. № 1211, л. 59 об.).

⁷⁾ Остенъ, стр. 132—133.

„Вѣнцѣ“ помѣщенъ символъ, называемый апостольскимъ и признаваемый латинянами, „восточною же церковію отъ начала проповѣди вѣры во Христа Бога до нынѣ отнюдь не знаемый“ ¹⁾). Къ его сочиненіямъ принадлежатъ еще: книга „Псалтирь“, собранная, по словамъ „Остена“, изъ польскихъ книгъ—отъ латинника Яна Кохановскаго книга „Обѣдъ“, книга „Вечеря“. И во всѣхъ тѣхъ писаніяхъ его мѣстами обрѣтаются латинскія вѣкія ереси ²⁾).

Весьма понятно отсюда, что не смотря на свои блестящіе успѣхи при дворѣ, такой человѣкъ рано или поздно долженъ былъ встрѣтить сильное нерасположеніе со стороны лицъ великорусскаго направленія. Это дѣйствительно и случилось, хотя на первыхъ порахъ Симеонъ Полоцкій пользовался не только расположеніемъ царя и членовъ царскаго семейства, но даже и духовныхъ лицъ, оказывавшихъ ему большое довѣріе. „Благочестивый же царь и священныя архіереи вручаху ему всякія церковныя дѣла писати“, говорится въ „Остенѣ“ ³⁾), но съ замѣчаніемъ: „повѣрившу ему яко благочестиву и православному“. Значить, причиною благосклонности было то, что не замѣчали его неправославія; но это, къ счастью, продолжалось недолго. На патріаршій престолъ вошелъ патріархъ Іоакимъ, и отношенія русской іерархіи къ Симеону совершенно измѣнились. Новый патріархъ былъ самъ человѣкъ весьма образованный, строго православный и Великороссъ въ душѣ, до ревности преданный Русскому народу и русскому православію. Отчего это случилось, когда извѣстно, что онъ воспитывался въ Кіевской академіи, — рѣшить нельзя опредѣленно. Полагаютъ ⁴⁾), что въ Кіевской академіи, когда въ ней воспитывался патріархъ Іоакимъ, еще продолжалось греческое направленіе братскихъ школъ, благодаря которому патріархъ Іоакимъ и былъ не похожъ на позднѣйшихъ воспитанниковъ Кіевской коллегіи. Но прежде всякихъ выводовъ необходимо доказать, дѣйствительно ли братскія школы имѣли греческое направленіе. На сколько мы знаемъ, въ нихъ преоб-

¹⁾ Тамъ же. Въ „Вѣнцѣ вѣры“ (рукоп. Соо. библ. № 1191) С. Полоцкій дѣйствительно приподнять, такъ называемый, апостольскій символъ и предпочитаетъ его другимъ символамъ и Никейскому. Онъ говоритъ (въ гл. IV, л. 14 об.): «сей убо символъ апостольскій едино всѣхъ вѣрныхъ исполненіе будетъ».

²⁾ Тамъ же, стр. 137.

³⁾ Остенъ, стр. 130.

⁴⁾ Напрямѣръ, *І. Я. Образцовъ* въ статьѣ: «Кіевскіе ученые въ Великороссіи» (*Эпоха* 1865 г. № 1).

ладало латинское направленіе, особенно въ Киевской братской школѣ ¹⁾. Съ другой стороны, несомнѣнно, что патріархъ Іоакимъ былъ врагомъ всего не русскаго, не православнаго, и что эта петерпимость его не имѣла рѣшительно ничего общаго съ религіозною петерпимостію, которую сообщала своимъ питомцамъ Киевская академія. Школа Петра Могилы занимала своихъ воспитанниковъ диспутаціями, спорами, которые развивали въ нихъ нетерпимость къ латинскому міру и знакомили ихъ съ этимъ міромъ, приучая равнодушно смотрѣть на уклоненіе отъ православія и на заимствованія отъ латинянъ. Ничего такого не имѣлъ патріархъ Іоакимъ... Если ему и были тяжелы латинскіи повшества — это скорѣе объясняютъ другія причины. Между средой и личностію существуетъ, безъ сомнѣнія, отношеніе; но это отношеніе бываетъ различное: на одну личность среда дѣйствуетъ положительно, полагая на нее свой отпечатокъ; а на другую — отрицательно, реактивно; патріархъ Іоакимъ былъ именно такою личностію, на которую Киевская академія, своимъ направленіемъ, подѣйствовала отрицательно. Получивъ задатки православія еще въ дѣтствѣ, съ глубокимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, съ твердою волей и рѣзкою энергіей, необыкновенно прямой и искренній, онъ не могъ не сознавать всей фальши и пустоты схоластики и софистики, царившихъ въ Киевской академіи; его прямоth и душевной, природной искренности были враждебны Киевская реторика, панегирики и всевозможныя формы распространенной тамъ ласкательной поэзіи, и потому изъ него выработался горячій и энергичный противникъ этаго направленія.

Какъ самъ Киевлянинъ, онъ хорошо понималъ Полоцкаго и возможные слѣдствія его направленія. Поэтому онъ принималъ мѣры противъ его вліянія. Онъ запрещалъ Полоцкому говорить проповѣди ²⁾, въ чемъ ему помогало также и духовенство, которое, по зависти къ Полоцкому, какъ къ блестящему оратору, а съ другой стороны, замѣчая въ его проповѣдяхъ католическія мнѣнія, доносило о нихъ Іоакиму ³⁾. И эти мѣры были не бесполезны для Полоцкаго. Онъ

¹⁾ Киевская братская Богоявленская школа называется очень нерѣдко въ различныхъ памятникахъ: «школою наукъ славно-славянскаго и латинскаго писмѣ», и это названіе усваивается ей за ея особенное, сравнительно съ другими братскими школами, латинское направленіе.

²⁾ Слов. о писат. дух. чина митр. *Евгенія*, т. II, стр. 212.

³⁾ Ibid.

заставляли его быть осторожнымъ: въ предисловіи къ „Вѣнцу вѣры“ ¹⁾ и къ „Вечери духовной“ ²⁾ Симеонъ Полоцкій говорилъ уже, что „подлагаетъ свой трудъ разсужденію церкви, ей же никогда противенъ хочетъ быть“. Но какъ ни зорко слѣдилъ патріархъ Іоакимъ за Полоцкимъ, никакъ нельзя допустить, чтобъ онъ проклялъ Полоцкаго при жизни его, какъ утверждаетъ митрополитъ Евгеній ³⁾. Полоцкій занималъ слишкомъ высокое положеніе, чтобы Іоакимъ могъ рѣшиться на такую сильную мѣру; къ тому жъ этотъ патріархъ видѣлъ, что Полоцкій не былъ горячимъ пропагандистомъ своихъ идей, и хорошо понималъ, что, опасный для вѣры, онъ необходимъ для гражданскихъ и общественныхъ дѣлъ по своему образованію и вліятельной дѣятельности... Поэтому при жизни Полоцкаго патріархъ Іоакимъ держалъ себя съ нимъ очень сдержанно, не смотря на то, что Симеонъ внушалъ ему сильное нерасположеніе. Онъ, напримѣръ, самовольно печаталъ свои сочиненія, будто съ вѣдома патріарха, тогда какъ послѣдній и не видалъ ихъ прежде напечатанія. „Только убо той Симеонъ освоеволився“, говоритъ патріархъ Іоакимъ, „дерзаетъ за нѣкимъ попущеніемъ, яко и печатнымъ тисненіемъ нѣкія свои книги издати, обогавъ мѣрность нашу, предавая въ нихъ, яко бы за нашимъ благословеніемъ тыя его книги печатаны. Мы же прежде типокарскаго изданія тѣхъ книгъ ниже прочитахомъ, ниже яко либо видѣхомъ, по еже печатати, отнюдь не токмо благословенія по ниже изволеніе наше бысть“ ⁴⁾. Но всего болѣе нерасположенія внушала патріарху мысль Полоцкаго нарушить установившіяся іерархическія формы. Извѣстно, что этотъ Кіевскій выходецъ замышлялъ учредить въ Россіи 12 новыхъ митрополій и четырехъ патріарховъ на мѣсто митрополитовъ: Новгорода, Казани, Ростова и Крутицъ, по примѣру вселенскихъ четырехъ престоловъ, и затѣмъ сходно съ римскою іерархіей, надъ всѣми митрополитами — одного папу. Такой проеѣтъ грозилъ русской церкви введеніемъ католическаго начала, а патріарху Іоакиму, гонителю всего инославнаго, смѣщеніемъ съ престола, и весьма понятно, что онъ слишкомъ вооружилъ противъ Полоцкаго ревниваго и строгаго патріарха; послѣдній ждалъ только случая, чтобы произнести свой при-

¹⁾ Рукопись Сое. библ. № 1191 л. 1.

²⁾ Рукопись Имп. Публ. библ., л. 4 обор.

³⁾ Слов. о писат. дух. чина т. II, стр. 212.

⁴⁾ Остенъ стр. 138.

говоръ надъ мятежникомъ, и случай этотъ представился на соборѣ 1690 года, когда Полоцкаго уже не было въ живыхъ. Теперь патріархъ Іоакимъ не сдерживался, и высказалъ о Полоцкомъ все, что думалъ и чувствовалъ, осудивъ его личность, его сочиненія и послѣдователей ¹⁾.

Такимъ образомъ въ лицѣ этого перваго представителя малорусской цивилизаціи Патріархъ осудилъ самый духъ новаго малорусскаго направленія и всѣхъ его послѣдователей.

Но какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, патріархъ не удержался отъ крайностей; въ своемъ суровомъ и ревнивомъ судѣ онъ перешелъ границы правдивости, приписавъ Полоцкому много лишняго. Онъ, напримѣръ, упрекнулъ его въ припадіи латинскаго ученія объ исхожденіи *Св. Духа отъ Отца и Сына* ²⁾, тогда какъ Полоцкій въ своемъ „Вѣнцѣ вѣры“ нѣсколько разъ высказывается противъ этаго ученія ³⁾; упрекнулъ его въ томъ, что онъ, въ своемъ „Катихизисѣ“, разрѣшилъ какъ „безззорное“ и безстыдное такое дѣйствіе, котораго, по словамъ патріарха, и „варвари сами грубѣи и безбожніи стыдятся и гнушаются“ ⁴⁾; а между тѣмъ Полоцкій вовсе не называетъ это дѣйствіе безззорнымъ и безстыднымъ, а говоритъ только, что оно есть „грѣхъ простимой“ ⁵⁾, и проч. Трудно сказать, что побудило патріарха къ этимъ напраслинамъ. Вѣроятно онъ впалъ въ такую крайность подъ вліяніемъ сильнаго, но долго скрываемаго нерасположенія къ Симеону Полоцкому.

Другой дѣятель, замѣчавшій направленіе Симеона Полоцкаго и оказывавшій противодѣйствіе его вліянію, былъ Епифаній Славинецкій.

Епифаній Славинецкій „мужъ многоученный“ ⁶⁾, учился въ Кіево-Могилянской академіи ⁷⁾, потомъ путешествовалъ, по обычаю своего времени, за границей, побывалъ въ заграничныхъ академіяхъ ⁸⁾, и по возвращеніи въ отечество, постригся въ Кіево-Печерской лаврѣ.

Въ Москву его вызвала та же нужда Великороссовъ въ ученыхъ людяхъ, вслѣдствіе которой явился у насъ и Полоцкій. Любимецъ

¹⁾ Приговоръ Іоакима см. въ Остенѣ стр. 130—140.

²⁾ Остенъ, стр. 137.

³⁾ Вѣнецъ вѣры, рукоп. Сое. библ. 235—237 л. л.

⁴⁾ Остенъ, стр. 132—133.

⁵⁾ Катихизисъ С. Полоцкаго по рукоп. Сое. библ. № 1211 л. 195.

⁶⁾ Остенъ, стр. 70.

⁷⁾ Слов. о чис. дух. чина т. I., стр. 172.

⁸⁾ Тамъ же.

царя Алексѣя Михайловича, просвѣщенный бояринъ Ртищевъ, по предложенію патріарха Никопы, просилъ извѣстнаго С. Коссова прислать въ Москву ученыхъ Кіевскихъ людей. Эта просьба была исполнена, и въ 1649 году въ Москву прибыло нѣсколько ипоковъ, и между ними Епифаній Славинецкій—для обученія Русскихъ наукамъ и для перевода книгъ.

По видимому, въ воспитаніи Епифанія соединены были всѣ условія, чтобъ изъ него вышелъ человекъ подобный Полоцкому, а между тѣмъ онъ является „мужемъ многоученымъ, не токмо грамматики и риторики, но и самыя есологіи извѣстнымъ испытателемъ и искусѣйшимъ разсудителемъ, и опаснымъ“ (тщательнымъ, осторожнымъ) претолковникомъ греческаго, латинскаго, словенскаго и польскаго языковъ“ ¹⁾. Онъ является человекомъ, сохранившимъ строгое православіе, къ которому не привились, среди окружавшаго его католическаго вліянія вымысленія Скотовы, Аквиновы и Ансельмовы.

Отчего это случилось—будетъ понятно, если обратить вниманіе на то, что Епифаній Славинецкій еще болѣе патріарха Іоакима былъ человекомъ внутренняго пониманія и серьезной, глубокой идеи. Надпись на его гробницѣ называетъ его „мудрѣйшимъ отцемъ Епифаніемъ“ ²⁾, и эти слова, какъ и всѣ другіе эпитеты, которыми награждаетъ Епифанія эпитафія, вполне справедливы. Эпитафія гласитъ: „здѣ бо лежитъ мудрѣйшій отецъ Епифаній, претолковникъ изысканный Священныхъ Писаній, философъ и іерей въ монасѣхъ честный,... его же да вселитъ Господь и въ рай небесный, за множайшіи его труды въ писаніихъ“.

Дѣйствительно, трудно себѣ представить человека болѣе мудраго, философа, болѣе правдиваго и большаго труженика, особенно въ то время... Мудрымъ можно назвать и Симеона Полоцкаго, но его мудрость была софистическая. Его умъ былъ діалектическій, способный хотя и къ тонкимъ и живымъ, но очень поверхностнымъ соображеніямъ, не выходившимъ за предѣлы разсудочныхъ комбинацій. Напротивъ, мудрость Епифанія была истинно философская; его умъ былъ глубокій, способный погружаться въ самое основаніе, въ самую суть предмета.... Полоцкій былъ способенъ болѣе къ практическимъ соображеніямъ, имѣвшимъ въ виду жизненное приложеніе, удовлетво-

¹⁾ Остенъ, стр. 70; историч. зап. инокъ Евенія о трудахъ Епифанія по переводу библіи (помѣщ. въ Слов. о пос. дух. чины, ч. I, стр. 178—183).

²⁾ Слов. о пис. дух. чина ч. 1; стр. 183.

рявшее перѣдко земнымъ его цѣлямъ. Епифаній, напротивъ, болѣе способенъ былъ къ теоретическимъ, возвышеннымъ разсужденіямъ и размышленіямъ, уносившимъ его изъ житейской сферы въ область идеи и знанія. Симеонъ старался главнымъ образомъ прилагать знанія къ жизни, какія бы они ни были, Епифаній—достигать вѣрныхъ и истинныхъ знаній. Отъ этого въ жизни Епифанія преобладаютъ теоретическія занятія, и ее даже можно назвать непрерывнымъ теоретическимъ трудомъ, которому онъ предавался въ своей кельѣ, вдали отъ міра и почестей—въ то время, какъ Симеонъ Полоцкій жилъ въ мірѣ, и не стѣсняясь монашескою рясой, пользовался почетомъ и мірскими благами.

Глубокому умственному складу соответствовала и нравственная личность Епифанія, который, какъ служитель истины, былъ человѣкъ глубоко правдивый. Онъ одинъ изъ немногихъ духовныхъ лицъ не присталъ къ обвинителямъ Никона, указавъ на правила церковныя, отъ которыхъ они хотѣли отступить. И сдѣлавъ онъ это очень спокойно и сдержанно, нисколько не выступивъ одушевленнымъ защитникомъ патріарха, изъ чего впрочемъ также нельзя заключать, чтобы онъ былъ человѣкомъ холоднымъ, бездушнымъ. Епифаній имѣлъ теплое сердце и гораздо болѣе Полоцкаго способенъ былъ къ высокому воодушевленію. Онъ оставилъ богослужебные каноны и стихиры, которые, не говоря ужъ о ихъ благоговѣйномъ характерѣ, по теплотѣ чувства, своятъ неизмѣримо выше натянутыхъ и заказныхъ лирическихъ произведеній Полоцкаго. И если Епифаній является глубоко спокойнымъ и сдержаннымъ, то эта сдержанность—выраженіе величія его души теплой, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, одаренной глубокимъ внутреннимъ пониманіемъ и самообладаніемъ; эта сдержанность выраженія невозмутимой тишины его духа, выраженіе кротости, покоящейся въ нравственной глубинѣ его личности.

Съ такимъ-то человѣкомъ и пришлось столкнуться Симеону Полоцкому. Конечно, отношенія ихъ вовсе не имѣли враждебнаго характера. Кроткій и миролюбивый Епифаній, съ одной стороны, и тонкій и сдержанный политикъ Полоцкій съ другой—они больше чувствовали свою взаимную противоположность и никогда не выражали ее слишкомъ явно и открыто.

Въ Москвѣ, подъ предсѣдательствомъ Епифанія Славинецкаго, существовало общество для перевода библіи. Полоцкій желалъ быть членомъ этого общества, но Епифаній не допустилъ его туда. „Си-

меону же Полоцкому¹⁾, говоритъ инокъ Евѣимій¹⁾,—„не изволи отецъ Епифаній у дѣла сего быти того ради, заше аще и ученъ бѣ и знаеше нѣчто, но латински точію, гречески же ни малѣйше что-либо знаеше“. Это случилось въ 1674 году, когда Епифаній подбиралъ себѣ сотрудниковъ для перевода Библии.—Но зналъ онъ Полоцкаго со стороны его направленія еще гораздо ранѣе. Въ 1670 году Симеонъ Полоцкій написалъ „Вѣнецъ вѣры“, а въ 1671 году „Катихизисъ“, и Епифаній, какъ глава книжнаго дѣла, безъ сомнѣнія, зналъ эти сочиненія и читалъ ихъ. Но при всемъ томъ онъ держалъ себя съ Полоцкимъ слишкомъ сдержанно и миролюбиво, и не вслѣдствіе его вліянія при дворѣ (иначе Епифаній не отказалъ бы ему участвовать въ переводѣ Библии), а скорѣе по своему кроткому и миролюбивому характеру. Высказываясь, наприкиръ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій объ апостольскомъ символѣ, который приводитъ Полоцкій, Епифаній ничѣмъ не упрекаетъ его, а только высказываетъ ложность самаго символа: „Зри“, говоритъ Епифаній,—„читая латинскій, названный апостольскій символъ: нигдѣ апостольскій глаголемый символъ поминается (ниже бо бысть когда), но вездѣ Никейскій провѣствуется“.

Также сдержанно велъ себя и Полоцкій съ Епифаніемъ, изъ политичности и отчасти изъ уваженія къ мудрѣйшему отцу, какъ доказываетъ слѣдующее мѣсто „Остена“ и лаврскаго собранія сочиненій Епифанія²⁾: „Егда они купно случяхуся, всегда и вездѣ бываше вопрошати оному Симеону мудрѣйшаго Епифанія о многихъ неудоборазумѣваемыхъ вещехъ“³⁾. Это показываетъ также, что между ними нерѣдко происходили миролюбивыя бесѣды. Образцомъ такихъ бесѣдъ осталось знаменитое „разглагольствіе“ Епифанія съ Симеономъ о времени пресуществленія святыхъ Даровъ. Оно происходило слѣдующимъ образомъ⁴⁾:

Однажды, въ патриаршество Питирима, Симеонъ Полоцкій и Епифаній Славинецкій находились вмѣстѣ съ крестовой палатѣ (по приглашенію патриарха). Желая при этомъ случаѣ побесѣдовать съ отцемъ

¹⁾ Въ исторической запискѣ о трудахъ Епифанія по переводу библии, помѣщ. въ Слов. о пис. дух. чина т. I, стр. 178—183.

²⁾ Принадлежащаго библи. Кіево-Печерской лавры.

³⁾ Остенъ, стр. 71.

⁴⁾ Разглагольствіе это описано въ одной изъ статей Остена подъ названіемъ: „о мудрѣйшемъ іеромонахѣ Епифаніѣ Славинецкомъ и о Симеонѣ Полоцкомъ“ (См. Остенъ, стр. 70—74).

Епифаніемъ о „неудоборазумѣваемыхъ вещехъ“, Полоцкій спросилъ Епифанія: „яко, отче, святины твоя вѣруеть о пресуществленіи хлѣба и вина на божественной литургіи въ тѣло и кровь Христову, — словеса Христовыми ли: „пріимите ѣдите“ и проч., или молитвою іереевою: сотвори убо хлѣбъ сей честное Тѣло Христа Твоего“ и проч.? Должно замѣтить, что „словеса Христовыми“ было вѣрованіе западное, латинское, а „молитвою іереевою“ — восточное, православное, раздѣляемое, безъ сомнѣнія, и Епифаніемъ. Поэтому онъ отвѣчалъ, что вѣруеть, „яко вѣруеть и проповѣдуетъ святая католическая восточная церковь, въ ничесомъ отнѣнно“, прибавивъ, что онъ чуждается латинскихъ силлогизмовъ, по „послѣдустъ преданію и ученію учителей восточныя церкви свитыхъ отецъ. А кто иначе мудрствуетъ—еретикъ и церкви святины восточныя, матере своея таковой отчуждился“.

Это разглагольствіе происходило въ 1673 году. Слѣдовательно, Епифаній уже зналъ о вѣрованіяхъ Симеона Полоцкаго по его сочиненіямъ (изданнымъ гораздо ранѣе), что, безъ сомнѣнія, понималъ и самъ Полоцкій. Поэтому онъ принялъ теперь еще болѣе осторожный тонъ и еще уклончивѣе спросилъ Епифанія, будто не замѣчалъ его перваго отвѣта: „Западніи учителя глаголютъ, яко Христовыми словеса совершается Тѣло Христово, и токмо. И правда ли сіе, отче?“ Епифаній съ прежнимъ спокойствіемъ отвѣчалъ, что не правда, и подробнѣе развилъ мысль о преданіи и ученіи учителей восточной церкви. Казалось, Полоцкому оставалось удовольствоваться этимъ отвѣтомъ, но онъ не успокоился. Онъ все-таки продолжалъ выпрашивать мудрѣйшаго отца, и еслибъ онъ былъ не софистъ, то можно подумать, что онъ испытывалъ терпѣніе Епифанія, потому что его дальнѣйшіе вопросы были пустымъ тожесловіемъ послѣ полученныхъ отвѣтовъ. Зная уже, что кто будетъ вѣровать не по ученію восточной церкви, тотъ еретикъ, — Симеонъ задавалъ, напримѣръ, Епифанію, такой вопросъ: „Аще кто по ученію западныхъ мыслить, не грѣшитъ ли?“ Или: „Въ Кіевѣ“, говорилъ онъ, „наша Русь ученая тожде глаголютъ и мудрствуютъ, яко токмо словеса Христовыми пресуществляется хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову. Еда убо и тіи грѣшатъ?“ Можно, впрочемъ, думать, что послѣднимъ вопросомъ (о Кіевскихъ ученихъ) Симеонъ Полоцкій хотѣлъ смыть съ себя личное осужденіе Епифанія, послѣ того, какъ узналъ его рѣшительный взглядъ на западное вѣрованіе о пресуществленіи. Но какъ бы то ни было—нужно было имѣть не мало душевнаго спокойствія и сдер-

жанности, чтобы не потерять терпѣнія послѣ этихъ вопросовъ, и только одинъ Епифаній въ этомъ случаѣ могъ остаться въ границахъ спокойствія и сдержанности. Нисколько не упрекал Полоцкаго, онъ отвѣчалъ, на первый изъ этихъ вопросовъ, что „аще кто тако мудрствовать будетъ—еретикъ есть“, а въ отвѣтъ на второй обличилъ ученыхъ Кіевлянъ въ латинской ереси, заимствованной ими изъ латинскихъ книгъ, отъ западныхъ учителей и подтвердилъ православное ученіе о времени пресуществленія святыхъ даровъ, заключивъ свой отвѣтъ такими словами: „еже убо не тожде со святыми отцы мудрствовать бѣда велія и ересь есть“.

Этимъ и закончилось знаменитое разглагольствіе между Епифаніемъ и Симеономъ Полоцкимъ, который, при всей своей уклончивости, ясно выдалъ здѣсь свое католическо-польское или Кіевское направленіе. Нельзя не замѣтить, что это разглагольствіе имѣло весьма важное значеніе въ настоящей борьбѣ.

Борьба эта, какъ мы уже сказали, имѣла прежде всего религіозный характеръ, и вопросъ о времени пресуществленія святыхъ даровъ составлялъ и въ дальнѣйшемъ развитіи борьбы главный и существенный пунктъ разногласія между представителями великорусскаго и малорусскаго направленія, при чемъ первые, съ своей стороны, повторяли главнымъ образомъ то, что было сказано сейчасъ Епифаніемъ, а послѣдніе упорно держались того направленія и того мнѣнія относительно времени пресуществленія св. даровъ, первымъ представителемъ которыхъ у насъ на Руси былъ Симеонъ Полоцкій. Это — во первыхъ, а во вторыхъ, настоящее разглагольствіе весьма важно еще въ томъ отношеніи, что лица, участвовавшіе въ немъ, имѣли значительное вліяніе на послѣдующихъ дѣятелей этой борьбы. Епифаній Славинецкій воспиталъ и приготовилъ „честнаго ипока“ Евоніи, который раздѣлялъ труды съ Лихудами, также принимавшими участіе въ настоящей борьбѣ; кромѣ того, вліяніе Епифанія сказалося и на отдаленномъ дѣятелѣ великорусской партіи—иродіаконѣ Домаскииѣ, воспитанномъ въ его духъ и направленіи. Симеонъ Полоцкій создалъ подобнаго себѣ латинника въ лицѣ своего ученика и преемника Сильвестра Медвѣдева, самаго замѣчательнаго впрочемъ дѣятеля въ настоящей борьбѣ, и имѣлъ несомнѣнное плѣніе на противника Дамаскина—Гавріила Домскаго.

Такимъ образомъ эти два дѣятеля, если можно такъ выразиться, влили свой особый токъ въ теченіе послѣдующаго періода борьбы, а происходившее между ними „разглагольствіе“ послужило первымъ,

внѣшнимъ актомъ той интересной борьбы между представителями великорусскаго и малорусскаго направленія, которая особенно усилилась по смерти Симеона Полоцкаго и Епифанія Славинецкаго, при ихъ продолжателяхъ и преемникахъ. Это усиленіе борьбы характеризуетъ новый фазисъ ея развитія, самый интересный и замѣчательный.

III.

Во второмъ фазисѣ нашей борьбы, къ которому мы теперь переходимъ, являются весьма замѣчательными дѣятелями душеприкащики Полоцкаго и Славинецкаго—Сильвестръ Медвѣдевъ и инокъ Евонимій. Въ одномъ рукописномъ сборникѣ начала XVIII столѣтія такъ опредѣляется отношеніе ихъ къ своимъ завѣщателямъ: „И убо Епифаній богословъ, отходя отъ житія сего, приказа по души своей милостиню и книги коя гдѣ повелѣлъ отдавати Евонимію, егоже видѣ въ вѣрѣ православной неподвижна и правдива, къ сему же яко умѣюща отъ греческаго преводити Божественное Писаніе на славянскій. По онаго же смерти нѣколько лѣтъ прожиле и Симеонъ; той, отходя жизни сєя, приказа душу свою единомудру себѣ въ наукахъ Сильвестру Медвѣдеву ученику своему“ ¹⁾.

Но хотя эти душеприкащики и имѣли много общаго съ своими завѣщателями, тѣмъ не менѣе они отличались и нѣкоторыми особенностями. Они пошли дальше своихъ учителей и довели до крайности ихъ направленіе. Епифаній, учившійся въ Кіевской школѣ, не отвергалъ латинянъ и ихъ учености; онъ только болѣе былъ расположенъ къ греческому языку и восточному образованію. Евонимій же рѣшительно вооружился противъ западнаго образованія, хотя зналъ латинскій языкъ и пользовался имъ въ своихъ трудахъ ²⁾, точно также, какъ Медвѣдевъ возставалъ противъ всего греческаго, забывая, что учитель его уважалъ ученыхъ эллититовъ (напримѣръ, Епифанія Славинецкаго) и самъ немного зналъ по гречески.

По характеру и образу своей жизни Епифаній былъ человѣкомъ замкнутаго, кабинетнаго труда. Онъ вовсе не былъ общественнымъ

¹⁾ Остенъ Дамаскина, въ рукописи принадлежащей протоіерею Лхонтову, л. 11, обор. См. 90 стр., прим. I-е.

²⁾ Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 2, № 121 (переводъ 16-ти словъ Григорія Богослова, гдѣ, между прочими пособіями, Евонимій пользуется латинскимъ переводомъ въ изданіи Вилліа).

дѣятели¹⁾, и не любя выѣшиваться въ гражданскія дѣла, имѣлъ сношенія почти только съ одною церковною властію. Евенмій же, подобно Епифанію остававшійся кабинетнымъ труженникомъ, исключительно преданъ церковной власти; онъ былъ, какъ увидимъ далѣе, правою рукою сначала патріарха Іоакима, а потомъ Адріана.

Въ такомъ же отношеніи стоятъ и Сильвестръ Медвѣдевъ къ Симеону Полоцкому. Послѣдній, какъ извѣстно, былъ довольно сдержанъ, остороженъ и велъ себя всегда осмотрительно, Медвѣдевъ же забылъ всякую осторожность. Осмотрительность учителя замѣнилась у него смѣлостію и даже дерзостію въ поступкахъ. То, что Полоцкій говорилъ немого, или записывалъ въ своихъ кабинетныхъ работахъ, Медвѣдевъ проповѣдывалъ явно и открыто. „Сильвестръ, прозваніемъ Медвѣдевъ“, говорится въ „Остенѣ“, „во вся своя дни творяше распри и свары,.... языкъ свой изостряше яко змій, въ устахъ его бѣ ядъ аспидовъ, полнъ горести и отравы: злоковаренъ бо бѣ отъ юности возраста и многорѣчивъ, и остроглаоливъ, и любопривъ, уста имѣя бездверна и изъ гортани изрыгающъ ядъ душегубительный всякаго лжеславія и коварства“²⁾ и проч. То же говоритъ о Медвѣдевѣ и „тетрадь о новомъ растригѣ Сильвестрѣ Медвѣдевѣ и о злословіи его на святую церковь и на святѣйшіе патріархи къ наущенію народа на мятежъ и на убійство снѣтѣйшаго патріарха Іоакима и иныхъ“³⁾...

Что жъ это былъ за человѣкъ, и неужели онъ на самомъ дѣлѣ былъ таковъ, какимъ представляютъ его эти отзывы?

Сильвестръ (въ монашествѣ Симеонъ) Медвѣдевъ „родомъ сынъ отъ града Курска и первѣе бѣ писецъ гражданскихъ дѣлъ, рекше подъячій“, говорится про него въ „Остенѣ“⁴⁾. А въ другомъ свидѣтельствѣ разказывается, что онъ служилъ въ приказѣ тайныхъ дѣлъ въ одномъ чинѣ и имени съ Теодоромъ Щегловитымъ⁵⁾. Но занятія въ приказѣ тайныхъ дѣлъ должно быть не понравились Медвѣдеву. Еще въ Курскѣ, благодаря сосѣдству съ учеными Кіевлянами, онъ получилъ первоначальное образованіе и теперь въ немъ явилась склон-

¹⁾ Хотя ему и приходилось проповѣдывать.

²⁾ Остенъ, стр. 74—76.

³⁾ Цѣтъ вѣры (по Описанію рукоп. Москов. Синод. библ., II, 3, № 310, стр. 503).

⁴⁾ Стр. 74.

⁵⁾ См. статью Ундольскаго: Сильвестръ Медвѣдевъ, отецъ Славяно-русской бібліографіи, въ *Чт. общ. ист. и др.* 1846 г. № III.

ность къ научнымъ занятіямъ и желаніе „устраниться отъ міра и его молвы“ ¹⁾. Для этого онъ поступаетъ въ число братіи Молчанской обители, и въ маѣ 1675 г. мы видимъ его уже монахомъ этой обители ²⁾. Вскорѣ затѣмъ (въ 1677 г.) онъ появляется въ Москвѣ и сближается съ Симеономъ Полоцкимъ ³⁾, и съ этого времени начинается его быстрое возвышеніе и особенное приготовленіе къ роли дѣятеля. Живя въ томъ же Законошасскомъ монастырѣ, гдѣ жилъ и Полоцкій, Медвѣдевъ постоянно видитъ Полоцкаго предъ глазами, слушаетъ его наставленія, читаетъ и изучаетъ подъ его руководствомъ и наблюденіемъ: „Требникъ великій“, „Служебники“ разныхъ изданій—въ Кіевѣ, Вильнѣ и Стрятинѣ ⁴⁾ и проч. „Съ великимъ душевнымъ веселіемъ“ читаетъ онъ также и сочиненія самого Полоцкаго, именно: „Жезлъ Правленія“, „Вѣнецъ Вѣры“, „Обѣдъ Душевный“, „Вечерю Душевную“ и „Поученія Недѣльные“ ⁵⁾. Кромѣ того онъ постоянно помогалъ Полоцкому въ его ученыхъ занятіяхъ ⁶⁾. Все это сближало ихъ между собою и привело наконецъ, къ тому, что „латинскимъ обычаемъ навиче“ Медвѣдевъ „уклонися отъ св. восточныхъ церкви“ ⁷⁾...

Въ 1680 г. умеръ „*pater reverendus*“, какъ называлъ Медвѣдевъ своего учителя ⁸⁾, и онъ, похоронивъ Полоцкаго въ Законошасскомъ монастырѣ и почтивъ память его надгробною надписью въ стихахъ ⁹⁾, занялъ его положеніе и вліяніе при дворѣ. Съ этого времени начинается придворная и народная дѣятельность Медвѣдева и теперь-то начинаютъ вполнѣ обнаруживаться его личные качества и усвоенное имъ направленіе. При этомъ нельзя не замѣтить, что отзывы „Остена“ и „Щита Вѣры“ о личности Медвѣдева слишкомъ пристрастны, такъ что нѣтъ возможности оказывать имъ полное довѣріе. Они исходятъ изъ враждебнаго ему лагеря, да и высказаны были во время самаго сильнаго разгара настоящей борьбы.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Остенъ, стр. 142—143.

⁵⁾ Статья Ундольскаго.

⁶⁾ Сотрудничество это видно изъ Описанія рукоп. Моск. Синод. библ. II, 2, № 151 и друг.

⁷⁾ Остенъ, стр. 75.

⁸⁾ Описаніе рукоп. Моск. Синод. библ. II, 2, № 151.

⁹⁾ Помѣщ. въ XVIII ч. *Древ. Рос. Визаіов.*, стр. 198—199.

Поэтому они необходимо должны быть умѣрены, тѣмъ болѣе, что въ личности и въ самой жизни Медвѣдева мы находимъ очень много свѣтлыхъ сторонъ. „Медвѣдевъ“, говорится въ повѣсти о разстрѣлѣ Сильвестрѣ Медвѣдевѣ, „неукъ сынъ, мняше себе мудра быти“, — а не много далѣе, что „онъ пріучился чести латинскія книги“¹⁾, — и послѣднее свидѣтельство, показывая его образованность, безъ сомнѣнія, справедливѣе перваго. Медвѣдевъ читалъ не только латинскія книги, но также польскія²⁾ и славянскія. Онъ имѣлъ собственную богатую библіотеку³⁾, оставилъ описаніе перваго стрѣлцакаго бунта⁴⁾, котораго былъ очевидцемъ, составилъ первое у насъ въ Россіи описаніе книгъ⁵⁾, имѣя полное право присвоить себѣ за это дѣло имя отца и родоначальника русской библіографіи. Наконецъ, онъ заботился объ устройствѣ академіи. Все это обязываетъ видѣть въ немъ образованнаго и просвѣщеннаго человѣка своего времени, который своими виршами и придворными привѣтствіями⁶⁾ отчасти напоминаетъ Симеона Полоцкаго. Но въ нѣкоторомъ отношеніи онъ пошелъ далѣе Полоцкаго. Послѣдній былъ только придворнымъ и общественнымъ дѣятелемъ; Медвѣдевъ же сталъ, кромѣ того, дѣятелемъ народнымъ, вожакомъ толпы, массы. Это не былъ только „чернецъ великаго ума и остроты ученой“, какъ называли его современники⁷⁾, но вообще человѣкъ всесторонній. Имѣя въ высшей степени энергичную и пессимистическую натуру, онъ старался знать все, что ни дѣлается, и во всемъ принимать горячее участіе, верховодя одинаково въ придворномъ мірѣ и въ общественной средѣ. Онъ много говорилъ, говорилъ все, что зналъ и думалъ, и въ чемъ былъ убѣжденъ, не скрывая своихъ убѣжденій. А такъ какъ его убѣжденія встрѣчали часто противорѣчія, онъ любилъ спорить, увлекаясь въ спорахъ до раздоровъ и распрей...

¹⁾ Остенъ, стр. 74—75.

²⁾ Изъ письма Медвѣдева къ инокъ Евимію отъ 25-го декабря 1673 года (приведено въ статьѣ *Ундольскаго*) видно, что онъ сошелся въ Москвѣ съ Тимофеемъ Демьяновичемъ Литвиновымъ, у котораго оставилъ двѣ свои книги на польскомъ языкѣ.

³⁾ См. статью *Ундольскаго*.

⁴⁾ Описаніе Стрѣлцакаго бунта въ запискахъ Медвѣдева, изданныхъ *Туманскимъ* (въ VI ч. Запис. о жизни Петра I) и *Сахаровымъ* (Записки Русскихъ Людей).

⁵⁾ Каталогъ этихъ книгъ см. въ статьѣ *Ундольскаго*.

⁶⁾ Историч. слов., ч. II, стр. 44.

⁷⁾ Записки *Туманскаго*, I, 209.

По своему нравственному характеру Медвѣдевъ стоитъ несравненно выше Полоцкаго. Если онъ не имѣлъ сдержанности своего учителя, за то былъ чуждъ и его двоедушія. Это былъ человѣкъ прямой, открытый. И главная причина этого, безъ сомнѣнія, въ томъ, что онъ не былъ поставленъ въ такія воспитательныя условія, въ какихъ мы видѣли Полоцкаго. Полоцкій учился у іезуитовъ, а Медвѣдевъ вовсе не имѣлъ школьнаго воспитанія.

Немного иначе представляется личность его противника, монаха Евѣмія. „Пречестный отецъ Евѣмій“, по отзыву самого Медвѣдева, „мужъ православный, правды ревнитель, церкви поборникъ и вѣры защитникъ“ ¹⁾ былъ простымъ инокомъ Чудова монастыря и однимъ изъ труженниковъ Епифаніевскаго братства. Близкій ученикъ и преданный сотрудникъ отца Епифанія, онъ, начавъ свое воспитаніе, но всей вѣроятности, въ Чудовомъ монастырѣ, здѣсь же его и окончилъ, подъ руководствомъ Епифанія. Имя его встрѣчается очень нерѣдко во многихъ переводныхъ работахъ Епифанія. Онъ переписывалъ черновые труды отца Епифанія, дѣлалъ въ нихъ черновыя поправки ²⁾, и проч. Словомъ, это былъ постоянный сотрудникъ своего учителя въ его работахъ, начиная съ перевода Библии ³⁾, этого грандіознаго труда, предпринятаго Епифаніемъ, и оканчивая самыми незначительными его переводами. Этому сотруднику Епифаній Славинецкій и передалъ свой духъ и свое направленіе. Но Евѣмій, какъ мы уже видѣли, пошелъ далѣе своего завѣщателя. Если послѣдній не искалъ почестей, то Евѣмій прямо отказывался отъ нихъ. „Дважды бо“, говоритъ іеродіаконъ Дамаскинъ, — „благочестивѣйшій царь Алексій Михайловичъ и святѣйшій патріархъ Никонъ, яко честна монаха, архіерейскій санъ понуждаху пріяти. Но онъ Евѣмій самъ умоли тѣхъ благочестивая величества, да оставятъ его въ простомонашескомъ сословіи пребывать, и тогда былъ справщикомъ на печатномъ дворѣ“ ⁴⁾. Эта роль справщика оставалась удѣломъ Евѣмія до гроба,

¹⁾ Остенъ (покаянное исповѣданіе Сильвестра Медвѣдева), стр. 93.

²⁾ Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 2, № 112. № 179. II, 3, № 247. О сотрудничествѣ Евѣмія съ Епифаніемъ см. также въ Ист. Р. Цер. *Филарета*, пер. IV, стр. 164.

³⁾ Объ участіи Евѣмія въ переводѣ библии см. слов. историч., митр. *Евг.* нѣ ч. I, стр. 180. Этотъ же Евѣмій, какъ мы уже знаемъ, составилъ историч. записку о трудахъ Епифанія по переводу библии.

⁴⁾ Остенъ Дамаскина, л. 9. Черты глубокаго смиренія Евѣмія — въ Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 2, № 179. его акростихъ на собственное имя).

не смотря на то, что нерѣдко, по его собственнымъ словамъ, приходилось ему и „по величайшимъ и ипожайшемъ трудѣ быть въ презрѣніи и оскорбленіи“ ¹⁾.

Этотъ Евѳимій и былъ противникомъ Сильвестра Медвѣдсва. Но одни его силы были недостаточны для борьбы съ Медвѣдовымъ. Последний былъ ярый и горячій пропагандистъ, Евѳимій же—скромный и честный труженикъ. Медвѣдовъ былъ по преимуществу полемистъ: „остроглаголивъ и любопривъ бѣ, уста имѣя бездверна“ ²⁾; Евѳимій же вовсе не имѣлъ полемическаго таланта. Евѳимій зналъ Священное Писаніе и могъ цитовать какую угодно богословскую истину, но для борьбы съ Медвѣдовымъ этого было недостаточно,—пужно было имѣть діалектическое образованіе, которое дается школой или жизнью; Евѳимій же не воспитывался въ школѣ, а жизнь его текла мирно и невозмутимо среди трудовъ и занятій въ кельѣ Епафрапіа, пока онъ не былъ призванъ къ болѣе самостоятельной и широкой роли. И неудивительно, что онъ не могъ дать невозможнаго. Между тѣмъ „належащая бѣда Святой церкви“ требовала неотложныхъ мѣръ. Это сознавалъ патріархъ Іоакимъ, и потому онъ обратился къ помощи новыхъ лицъ. „Таковую церквилежащую бѣду патріархъ Іоакимъ видѣвъ“, говорится въ „Остенѣ“ Дамаскина, „подвиже въ помощь себѣ греческихъ учителей, самобратіи іеромонаховъ Іоанникиа и Софроніа Лихудіевыхъ и иныхъ цѣлкихъ, къ симъ же и сего Евѳимія“ ³⁾.

Такимъ образомъ помощниками Евѳимія дѣлаются братья Лихуды. Что же это были за люди и какъ они явились въ наше отечество?

Въ Москвѣ, еще со времени Симеона Полоцкаго, разрабатывался проектъ академіи, получившій теперь ужь окончательное утвержденіе. Наступало время позаботиться о преподавателяхъ, и патріархъ Іоакимъ поручилъ съ этою цѣлію іеродиакону Мелетію (Греку) написать къ іерусалимскому патріарху Досіею о присылкѣ ученыхъ мужей ⁴⁾. Вслѣдствіе этой просьбы и явились къ намъ ученые братья Лихуды, принявшіе столь живое участіе во всѣхъ запросахъ русской жизни. На очереди стоялъ тогда и вопросъ о Медвѣдовѣ и о всѣхъ вообще представителяхъ Кіевского направленія, и ученые братья,

¹⁾ Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 2, № 195.

²⁾ Остенъ, стр. 74.

³⁾ Остенъ Дамаскина, гл. 10.

⁴⁾ Исторія Моск. Дух. Акад. Смирнова, стр. 24.

соединившись съ представителями великорусскаго направленія, являются замѣчательными дѣятелями въ исторіи нашей борьбы.

Біографія ихъ ¹⁾ до прибытія въ наше отечество чрезвычайно разнообразна и интересна. Братья Лихуды, Софроній и Іоанникій, были родомъ изъ Кефалоніи и происходили изъ древняго княжескаго рода ²⁾. Первые зачатки ученія книжнаго они получили на родинѣ, отъ одного благочестиваго священника, затѣмъ учились въ Венеціи, но окончательное образованіе получили въ Падуанскомъ университетѣ. Въ этомъ заведеніи десять лѣтъ изучали они разныя науки, и получивъ высшее по тому времени образованіе („вънецъ философіи пріиша“, по выраженію „Мечца“), удостоены докторской степени ³⁾, возвратились въ отечество. Это было въ 1670 году. На родинѣ ученые братья приняли іерейскій санъ, а вскорѣ затѣмъ постриглись въ монашество и получили имена: Іоанникія (вмѣсто Іоанна) и Софронія (вмѣсто Спиридона). До 1683 г. Лихуды трудились въ различныхъ мѣстахъ, а въ этомъ году, послѣ долгихъ наставническихъ и проповѣдническихъ трудовъ, они являются въ Константинополь, чтобы принять благословеніе у восточныхъ патріарховъ и получить соборное засвидѣтельствованіе своей учености. Для этого „добры и опасны испитаніи“ они были въ наукахъ соборомъ, по обычаю Святыя Христовы Великія церкви, и православное исповѣданіе написавше, и своею рукою запечатавше вручили самому всесвятѣйшему вселенскому патріарху“, который тогда дозволилъ имъ проповѣдывать священное Евангеліе на амвонѣ патріаршаго престола ⁴⁾.

Въ это же время въ Константинополь пришло прошеніе патріарха Іоакима, и выборъ патріарховъ палъ на Лихудовъ. Тогда „общимъ разумомъ всего священнаго собора, граматами соборнѣ, своими руками святѣйшихъ патріарховъ и архіереевъ запечатанными, послашася они въ православнѣйшее и державнѣйшее святое царство Московское“ ⁵⁾.

Съ этого времени начинается полное горькихъ испытаній и при-

¹⁾ Прекрасныя біографическія свѣдѣнія о Лихудахъ см. въ автобіографіи ихъ, приложенной къ сочиненію ихъ: „Мечецъ духовный“, также въ нѣкоторыхъ рукописяхъ Моск. Глав. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ (см. Ист. Моск. Акад. *Смирнова*, стр. 19 и слѣд.).

²⁾ О происхожденіи ихъ въ Мечецѣ духовномъ, стр. 26—28.

³⁾ Мечецъ духовный, стр. 28.

⁴⁾ Мечецъ духовный, стр. 30.

⁵⁾ Тамъ же. стр. 30—31.

ключеній путешествіе Лихудовъ въ Россію. Едва достигли они, послѣ многихъ препятствій, Польши, тотчасъ же были задержаны происками іезуитовъ. Это случилось во время похода Яна Собѣскаго на Турокъ. Лихуды вѣзты были въ плѣнъ, и въ то время, когда войска сражались, ученые братья, слѣдовавшіе за королемъ и войскомъ, препирались съ іезуитами. Наконецъ, имъ удалось вырваться изъ западни, и они достигли Львова. Но и здѣсь іезуиты не оставили ихъ въ покоѣ. Въ Львовѣ они должны были препираться съ іезуитомъ Руткою, „столпомъ и похвалою іезуитовъ“ ¹⁾, и хотя это преніе окончилось полнымъ пораженіемъ „мудрѣйшаго и великаго богослова“ ²⁾, тѣмъ не менѣе ученые братья, благодаря ему, пробыли во Львовѣ не малое время. Но и теперь они не совсѣмъ еще освободились отъ своихъ назойливыхъ враговъ; іезуиты постоянно внушали королю мысль не пускать ихъ изъ Польши, и только тайкомъ Лихудамъ удалось выбраться изъ Польши въ Нѣжинъ и затѣмъ въ Батуринъ, откуда, съ грамотою гетмана Самойловича, они прибыли въ Москву въ 1685 году ³⁾, проведя такимъ образомъ въ пути, благодаря притязаніямъ іезуитовъ, болѣе двухъ лѣтъ. Замѣчательно, что эти происки іезуитовъ являются далеко не одинокими въ исторіи нашего отечества въ это время. Препятствуя свободному проѣзду Лихудовъ въ Москву, іезуиты въ то же самое время пробираются въ Москву и начинаютъ тамъ свою пронагадку. Но возвратимся къ Лихудамъ.

По прибытіи въ Москву, ученые братья представились царямъ Іоанну, Петру и царицѣ Софьѣ и говорили рѣчи: одинъ на латинскомъ, а другой—на греческомъ языкѣ ⁴⁾. Такимъ образомъ на первыхъ же порахъ они засвидѣтельствовали свою всестороннюю ученость. И нужно замѣтить, что не смотря на воспитаніе ихъ въ католическомъ университетѣ, ученость ихъ была столько же греко-восточная, сколько и западно-европейская. Братья Лихуды были особенно оригинально образованные люди, гармонически соединявшіе въ себѣ западное и восточное направленіе. Владѣя и греческимъ, и латинскимъ языками, они пользовались, гдѣ нужно, отцами церкви и

¹⁾ Историческія свѣдѣнія объ этомъ преніи въ «Акосѣ» Лихудовъ (по рукоп. Публ. Библ., № 186, л. 32), а самое преніе изложено въ ихъ «Диалогахъ», появившихся послѣдъ за «Акосомъ».

²⁾ Такъ называется Рутка въ «Акосѣ».

³⁾ Мечеть духовный, стр. 34.

⁴⁾ Рукописи арх. мин. иностр. дѣлъ, № 8, л. 39 об. (Ист. Моск. акад. Смирнова, стр. 23).

латинскими силлогизмами, но никогда не доходили до крайности въ довѣріи къ послѣднимъ, потому что строгая ясность ихъ взглядовъ и чистота ихъ православныхъ вѣрованій всегда давали имъ правильную точку зрѣнія на эту мудрость. Отъ этого они пользовались плодами западной мудрости, нисколько не поступаясь своими убѣжденіями и своимъ православіемъ, вслѣдствіе чего также въ ихъ сочиненіяхъ нѣтъ софизмовъ, а есть логическіе выводы и заключенія, обличающіе тонкій и діалектически развитый умъ, легко и непринужденно отдѣляющій истину отъ неправды.

Свою полемическую дѣятельность Лихуды начали вскорѣ же по пріѣздѣ въ Россію преніемъ съ еретикомъ Вѣлободскимъ, который по своему направленію примыкалъ отчасти къ представителямъ Кіевского направленія.

Еретикъ Янъ Вѣлободскій былъ однимъ изъ иновѣрныхъ иноземцевъ, во множествѣ явившихся въ концѣ XVII столѣтія въ Россію. Онъ прибылъ въ Москву въ 1681 году (вмѣстѣ съ воспитанникомъ Кіевской академіи Гавріиломъ Доменскимъ и Павломъ Негребецкимъ, выходцами изъ Польши), для занятія наставническаго мѣста въ новой академіи, но былъ скоро замѣченъ, обличенъ въ неправославіи патріархомъ Іоакимомъ и не допущенъ къ преподаванію въ училищѣ ¹⁾. Какого рода были его заблужденія—рѣшить нельзя опредѣленно. Преосвященный Филаретъ называетъ его кальвинскимъ проповѣдникомъ ²⁾; напротивъ того, г. Смѣловскій, говоря о состязаніи его съ Лихудами, называетъ его іезуитомъ ³⁾. Но оба эти мнѣнія равно несправедливы. Извѣстно, что Вѣлободскаго обличалъ Гавріилъ Доменскій, Кіевлянинъ, самъ имѣвшій немало общаго съ іезуитами ⁴⁾. Наконецъ, самъ Вѣлободскій въ своемъ исповѣданіи вѣры, произнесенномъ на соборѣ 7189 года, „повѣдалъ, что іезуиты въ Смоленскъ пріѣзжали и объ немъ шляхтѣ оглашали, что „онъ, [Вѣлободскій] кацермистръ (ересеучитель), и чтобъ ему въ поученіе дѣтей своихъ не давали“ ⁵⁾. Это доказываетъ, что Вѣлободскій не только не былъ іезуитомъ, но

¹⁾ Рукоп. Моск. дух. акад., № 68 (Ист. церк. преосв. Филарета, пер. IV.

²⁾ Ист. Церк. Филарета, пер. IV.

³⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1845 г., т. XLV. Этого же мнѣнія держится и И. А. Образцовъ (см. Дух. Бес., 1865 г., № 1, стр. 30).

⁴⁾ Прибавл. къ твор. св. отецъ, 1862 г., кн. IV, ст. о Вѣлободскомъ и Негребецкомъ.

⁵⁾ Изъ вопрошеннаго и письменнаго вѣры исповѣданія иноземца Яна Вѣлободскаго (рукоп. сборн. Сое. библ., № 1503, л. 278).

даже и не принадлежалъ къ римской вѣрѣ. Съ другой стороны, его нельзя считать и протестантомъ. Каковы были его религіозныя вѣрованія, всего лучше показываетъ разборъ исповѣданія, произнесеннаго Бѣлободскимъ на соборѣ 1789 году ¹⁾. Въ этой критикѣ на исповѣданіе, произнесенное Бѣлободскимъ, говорится, что „онъ, Бѣлободскій, самъ отъ себя въ томъ же своемъ допросѣ повѣдаетъ, егда онъ будетъ въ греческой вѣрѣ, и онъ будетъ послушаніе отдавати патріарху, а когда онъ будетъ въ Римѣ, и онъ будетъ послушаніе отдавати папѣ Римскому. А то де онъ (Бѣлободскій) творить для того, что Римляне и Греки—которые люди не въ ихъ послушаніи живутъ, оныхъ проклинаятъ и въ церкви не пуцають. И здѣ онъ являетъ, что не совершенна желаетъ греческія вѣры для спасенія, токмо для прельщенія, како творять Цыгане, въ которое государство прійдутъ, того государства и вѣру держать ²⁾).

Ясно, такимъ образомъ, что Бѣлободскій былъ индеферентистъ, не имѣвшій опредѣленныхъ религіозныхъ вѣрованій, и даже самъ причислялъ себя то къ папистамъ, то къ протестантамъ: „оногда глаголаше быти себе отъ кальвиновъ, оногда же отъ лютерановъ, и оногда же отъ папистовъ“, говорятъ про него Лихуды въ своемъ „Акосѣ“ ³⁾.

Вотъ съ этимъ-то индеферентистомъ и пришлось состязаться о вѣрѣ ученымъ братьямъ. Состязаніе это происходило на 9-й день по прибытіи Лихудовъ въ Москву, и окончилось очень комично: не имѣя возможности вести преніе, Бѣлободскій былъ все время безгласенъ, и наконецъ, объявилъ себя вовсе не причастнымъ оеологін ⁴⁾.

Это была первая побѣда Лихудовъ въ Россіи на полемическомъ поприщѣ. Вскорѣ затѣмъ имъ пришлось столкнуться и съ Медвѣдовымъ. Сначала эти столкновенія имѣли чисто личный характеръ. Премникъ Полоцкаго и приверженецъ царевны Софіи, представившій на утвержденіе правительницѣ проектъ новой академіи, Медвѣдевъ имѣлъ сильное желаніе стать выше всѣхъ въ новомъ заведеніи. Конечно, онъ желалъ оставить за собою и право его устройства. Но явились Лихуды, овладѣли довѣріемъ патріарха, стали во главѣ строго православныхъ лицъ, и устройство академіи, не безъ соизволенія прави-

¹⁾ См. рукоп. сборн. Сое. библ., № 1593.

²⁾ Тамъ же, л. 277.

³⁾ Акосъ, рукоп. Импер. Публ., № 334, об. л. 25.

⁴⁾ Тамъ же об. л. 25 и 26.

тельницы, было предоставлено имъ. Медвѣдеву, „иже любопривѣ бѣ“, оставалось только интриговать, что онъ и сдѣлалъ. Онъ оклеветалъ Лихудовъ предъ патриархомъ и другими важными лицами въ томъ, будто они захватили подъ школу землю, принадлежащую его монастырю (Медвѣдевъ былъ тогда настоятелемъ Заиконоспасскаго монастыря), будто они учатъ не православію и совращаютъ своихъ учениковъ ¹⁾ и проч. Но то и другое была явная клевета. Для академій Лихуды заняли мѣста столько, сколько назначено было грамотою царя Θεодора Алексѣевича ²⁾, а что касается обвиненія ихъ въ неправославіи, то развѣ только одинъ Медвѣдевъ, до поры до времени, могъ не признавать его. Строго православные, испытанные въ своихъ вѣрованіяхъ, собраніемъ восточныхъ патриарховъ, Лихуды всѣми силами старались охранять и утверждать православіе въ Россіи, что подтвердилось впоследствии и самъ Медвѣдевъ, называя ихъ „мужами, свидѣтельствованными въ вѣрѣ православной и мудрости“ ³⁾.

Тѣмъ не менѣе эти личныя столкновенія остались не безъ вліянія на дальнѣйшія отношенія между ними. Они возбуждали непріязнь Медвѣдева къ Лихудамъ, и она перешла въ открытую вражду, когда началась литературная между ними полемика. Полемика эта возникла по слѣдующему поводу.

Въ концѣ XVII столѣтія въ Великороссіи начали появляться „новотворныя книги Кіевскія“—сочиненія Кирилла Транквилиона, Лазаря Барановича, Сильвестра Коссова ⁴⁾ и др. Также сочиненія западноевропейскаго изданія, наполненныя католическими идеями ⁵⁾. Эти сочиненія расходились въ массѣ, читались ею и способствовали распространенію латинскихъ мнѣній. Между ними особенно было въ ходу сочиненіе Кіевскаго игумена Θεодосія Сафоновича: „Выкладъ о церкви и о дѣлахъ церковныхъ“, изданное въ Кіевѣ въ 1668 г. ⁶⁾. Составляя искаженіе сочиненія Симеона Солунскаго подъ тѣмъ же заглавіемъ, „Выкладъ“ скоро вызвалъ нерасположеніе представителей великорусскаго направленія. Это задѣло лицъ Кіевскаго направленія, которыхъ тогда уже мало было въ Москвѣ, и Медвѣдевъ, ихъ предводитель, издалъ въ свѣтъ въ апологію „Выклада“ сочиненіе,

¹⁾ Древн. Росс. Визіоѡ., ч. XVI, стр. 300; Ист. рос. іерархіи, ч. I, стр. 546.

²⁾ Тамъ же ч. XIV, стр. 402—403.

³⁾ Остенъ (покаянное исповѣданіе Сильвестра Медвѣдева).

⁴⁾ Ibid., стр. 142—144.

⁵⁾ Опис. рукоп. Моск. синод. библ., II, 2, № 116 и друг.

⁶⁾ Остенъ, стр. 21; Опис. рукоп. Моск. синод. библ., II, 3, № 294, стр. 441.

подъ названіемъ „Манна“. „Манна“ распространилась по Москвѣ и тоже имѣла свое вліяніе. Тогда-то, по поволѣнію благочестивѣйшихъ великихъ государей и по благословенію святѣйшаго патріарха Іоакима, Лихуды издали въ свѣтъ свой знаменитый „Акосъ“, паправленнй противъ „Манны“ и „Выклада“. Изданіе этого сочиненія и было началомъ продолжительной и упорной полемики Медвѣдева съ Лихудами.

Остановимся на завязкѣ этой полемики.

Сочиненіе „Выкладъ“, или по полному заглавію его, „Сказаніе о церкви святѣй и о церковныхъ дѣлѣхъ, о литургіи Божественнѣй и о вечери отъ святаго Симеона, архіепископа Солунскаго и отъ иныхъ учителей церковныхъ собранное“ ¹⁾ написано было первоначально на бѣлорусскомъ нарѣчій. Изъ обличенія на „Выкладъ“, составленнаго патріархомъ Іоакимомъ и помѣщеннаго въ „Остенъ“, мы узнаемъ, что печатная тетрадь „Выкладъ“, появившаяся подъ именемъ святыхъ отцевъ, учителей восточныхъ церкви, есть подложное сочиненіе, живо приписывающее этимъ отцамъ мнѣніе о пресуществленіи въ литургіи хлѣба и вина словами Христовыми: „примите, ядите“ и „пійте отъ нея вси“ ²⁾; а это мнѣніе—отнюдь не православно. Древнѣйшее преданіе и истинное исповѣданіе православной церкви, принимаемое и святыми отцами: Григоріемъ Двоесловомъ ³⁾, Василиемъ Великимъ ⁴⁾ и Іоанномъ Златоустомъ ⁵⁾, признастъ, что на литургіи хлѣбъ и вино прелагаются въ тѣло и кровь Спасителя молитвою и благословеніемъ священнослужащаго, а не словами Христовыми. Церковь же западная отступила отъ этого вѣрованія. На западѣ стали учить и вѣровать, что хлѣбъ и вино прелагаются на Литургіи въ тѣло и кровь Христа, не молитвой и благословеніемъ священнослужащаго, но словами Спасителя, изреченными имъ при установленіи таинства евхаристіи. Вслѣдствіе этого церковь западная къ XI в. исключила изъ своей литургіи, особенно изъ галльской, даже самую молитву, которою священнослужанцій призывалъ святаго Духа ⁶⁾. Въ XIV в. это ученіе принято было на западѣ окончательно ⁷⁾, а въ XV в. на Флорентинскомъ соборѣ выдано было за всегдашнее ученіе

¹⁾ Опис. рукоп. Моск. синод. библ., II, 3, № 288, стр. 420.

²⁾ Остенъ, стр. 21.

³⁾ Св. Григорій Двоесловъ, Lib. sacramentorum, Opp, 3, 4.

⁴⁾ Служебн. л. 147—148, Кіевъ 1851 г.

⁵⁾ Тамъ же, л. 91—92.

⁶⁾ Серединскаю, О богослуженіи запад. церкви, ст. 4, стр. 130.

⁷⁾ Бертгера, Dictionn. de theolg., II, 294.

церкви вселенской ¹⁾. Въ наше отечество оно проникло въ XVII в., и какъ мы уже видѣли, впервые высказано было Симеономъ Полоцкимъ; затѣмъ оно повторяется въ „Выкладѣ“ и является здѣсь темой и основною идеей этого сочиненія. Защитѣ этого мнѣнія, съ одной стороны, и опроверженію его—съ другой, и посвящена была, главнымъ образомъ, пачавшаяся съ появленія „Выклада“ полемика между Медвѣдовымъ и Лихудами. „Выкладъ“ составляетъ такимъ образомъ начальное звено всей цѣпи продолжительныхъ дебатовъ между ними по этому предмету.

За „Выкладомъ“ слѣдуетъ его апологія „Манна“ Медвѣдова. Также и въ этомъ сочиненіи находится западное мнѣніе о пресущественіи. Хотя „Манна“ и не дошла до нашего времени (это сочиненіе было сожжено на соборѣ 1690 г. ²⁾), но мы можемъ судить о ея содержаніи изъ покаяннаго исповѣданія Сильвестра Медвѣдова (Остенъ, стр. 85), гдѣ онъ приводитъ свои заблужденія, изложенныя въ „Маннѣ“, и опровергаетъ ихъ. Изъ этого исповѣданія мы узнаемъ, что восточная церковь, какъ училъ до своего раскаянія Медвѣдовъ, „со Христомъ не держитъ и Христову ученію не послѣдуетъ, но держитъ преданія человѣческая и вымышляетъ новости“, тогда какъ римская церковь на оборотъ—„пресущественіе держитъ со Христомъ и Христову ученію послѣдуетъ“ ³⁾....

Всѣ эти мнѣнія были опровергнуты Лихудами въ „Акосѣ“.

Написанное въ обличеніе неправыхъ мнѣній „Выклада“ и „Манны“,

¹⁾ Ист. Флорент. собора, стр. 161.

²⁾ До насъ дошло другое сочиненіе, приписываемое Медвѣдову: «Книжца о Божественной Литургіи». Въ началѣ предисловія къ ней сказано, что она написана въ четырехдесятницу святую, но какого года — не сказано. Направлена она также къ защищенію ложной мысли, будто пресущественіе св. даровъ совершается словами Іисуса Христа, а не призываніемъ святаго Духа. На л. 224 сочинитель отсылаетъ читателя къ толкованію литургіи, изданному въ Кіево-Печерской Лаврѣ 1668 г., разумѣя, безъ сомнѣнія, «Выкладъ». Слѣдовательно, это сочиненіе Медвѣдова находится въ такомъ же отношеніи къ «Выкладу», какъ и «Манна» (Опис. рукоп. Моск. синод. библ., II, 3, стр. 141—2). Послѣдователи Медвѣдова тоже писали сочиненія въ защиту своихъ мнѣній. Въ «Щитѣ вѣры» говорится, что Иннокентій игуменъ, одинъ изъ послѣдователей Медвѣдова, написалъ противъ православнаго ученія книгу, и привезъ ее въ Москву, отдавъ Медвѣдову (Опис. рукоп. Моск. синод. библ., II, 3, № 310). Вѣроятно, и эта книга была сожжена на соборѣ 1690 года.

³⁾ Остенъ, стр. 94.

последнее сочинение ¹⁾ составляет въ то же время замѣчательную характеристику полемики Лихудовъ, въ которой, какъ нельзя лучше, проглядываетъ греко-восточное и западное направлѣніе ихъ учености. Именно, здѣсь мы встрѣчаемъ свидѣтельства Священнаго Писанія ²⁾, свидѣтельства отеческія ³⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ, знакомство съ западными авторитетами ⁴⁾ и обширныя, основательныя разсужденія диалектически развитаго ума. Поэтому вопросъ о пресуществленіи обсуждается въ „Акосѣ“ со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Впрочемъ, мы не будемъ останавливаться на этихъ свидѣтельствахъ и другихъ доказательствахъ православнаго ученія о пресуществленіи, какъ-то: ученія церкви ⁵⁾, филологическихъ и грамматическихъ замѣчаній ⁶⁾, каноническихъ указаній ⁷⁾, которыя почти одинаковы, какъ въ „Акосѣ“, такъ и въ другихъ полемическихъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ представителей Кіевского направленія, а перейдемъ прямо къ собственнымъ доводамъ и разсужденіямъ Лихудовъ, составляющихъ особенность этого сочиненія.

Признавая, что пресуществленіе совершается „силой и дѣйствіемъ святаго Духа, призываніемъ Его отъ молитвы священника и знаменіемъ креста“, Лихуды слѣдующими доводами опровергаютъ латинское ученіе о пресуществленіи Господними словесы и обычай благословлять во время этихъ словъ святые дары. Они говорятъ: „Ниже одинъ отъ отецъ намъ предаде тогда (во время произнесенія Господнихъ словъ) благословляти и знаменати святые дары, но вѣгда глаголати еже: сотвори убо хлѣбъ сей честное тѣло Христа твоего, а еже въ чаши сей — честная кровь Христа твоего...., и тогда убо благословляеть

¹⁾ «Акосъ» или «Врачеваніе, противоположаемое ядовитымъ угрызеніемъ змѣинымъ» написанъ Лихудами, какъ и всѣ ихъ сочиненія, на греческомъ языкѣ... Переведенъ на славянскій языкъ Николаемъ Симеоновымъ, Алексѣемъ Кирилловымъ и Феодоромъ Полякарповымъ (надсловіе къ «Акосу» въ рукоп. Импер. Публ. библ. № 186 и въ № 299 Опис. рукоп. Моск. синод. библ. II, 3, стр. 461), но окончательную редакцію этому сочиненію далъ, вѣроятно, Евѣмій (Опис. рукоп. Моск. синод. библ., № 299, стр. 466), тѣмъ болѣе, что онъ же принималъ участіе и въ дальнѣйшей полемикѣ Медвѣдева съ Лихудами (тамъ же, стр. 466 и слѣдующес.).

²⁾ Акосъ, по рукоп. Импер. Публ. библ., № 186, об. л. 14, л. 51 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, об. л. 11—12, л. 15, л. 19—20; об. л. 24, л. 29, л. 41—43.

⁴⁾ Тамъ же, л. 10, л. 23.

⁵⁾ Тамъ же, л. 17, л. л. 26—28.

⁶⁾ Тамъ же, л. 39, л. л. 51—68.

⁷⁾ Тамъ же, об. л. 40.

іерей, тогда знаменуетъ единицею хлѣбъ, единицею чашу и третіе обоя¹⁾;—хотя на вечери тайной было совсѣмъ иначе: тамъ и Христосъ безсредственно бѣ приносимъ и приносимый, и священнодѣйствующій и священнодѣйствующий, пріемляя же и раздаваемый²⁾. Поэтому „благодаривъ, благословивъ“ и проч.... Христосъ говорилъ тогда о себѣ: „Пріимите ядите сіе есть тѣло мое“ и проч.... А теперь мѣсто его заступаетъ іерей, произносящій эти слова не о себѣ самомъ, но о Христѣ, въ знаменіе Тайной Вечери, на которой онъ содѣлалъ таинство безсредственно, чрезъ себя самого, присущее ему божественною силою и благодатію. „Иначе“, говорятъ Лихуды,—„аще убо и нынѣ іерей безсредственно бы былъ приносимъ и совершавъ таинство, якоже на вечери тайной тогда Христосъ: и всесилецъ былъ бы іерей нынѣ, и совершенный Богъ и совершенный человекъ“. Слѣдовательно, если нынѣ „средственно, чрезъ іерея“ совершается таинство, „іерей яко конечныя силы требуетъ молитвъ и моленій, яко да пріидетъ все святый Духъ совершить таинство“³⁾, Значитъ, сила таинства не въ произнесеніи Господнихъ словъ, а въ призваніи Святаго Духа, благодатію и силою котораго предлагаются святыя дары. И вѣровать, что Христосъ совершилъ таинство словами: „пріимите, ядите“.... и проч. „есть хульно и всякаго убо безмѣстія полно“, говорятъ Лихуды. Но въ такомъ случаѣ, какое же значеніе имѣли эти слова на тайной вечери, и зачѣмъ произносятся они теперь? Лихуды отвѣчаютъ и на эти вопросы. Они говорятъ, что если бы Христосъ не произнесъ этихъ словъ на тайной вечери, „апостоли не бы разумѣли таинства, и не открывашеся имъ“, ибо „тайно Христосъ молился Богу и Отцу, и освяти хлѣбъ и чашу, и пресуществленіе въ свое тѣло и кровь сотвори“³⁾. А теперь на Литургіи іерей произноситъ эти слова въ воспоминаніе совершеннаго на тайной вечери.

Вотъ доводы Лихудовъ въ апологію православнаго ученія о пресуществленіи, и нельзя не замѣтить, что они вполне разумны и основательны.

Но апологія Лихудовъ этимъ еще не окончилась. Вскорѣ послѣ „Акоса“ явилось ихъ другое сочиненіе: „Діалоги Грека-учителя къ нѣкоему іезуиту о разнствахъ, сущихъ между восточною церковію и западною“, изложенныя въ формѣ разговора между Грекомъ-учителемъ

¹⁾ «Акосъ» (рукоп. Импер. публ. библ., № 186), л. 12.

²⁾ «Акосъ» (рукоп. Импер. публ. библ., № 186) л. л. 12—13.

³⁾ Тамъ же, л. л. 14—15.

и іезуитомъ. Въ этихъ діалогахъ ¹⁾, составляющихъ изложеніе пренія Лихудовъ „съ Руткою іезуитомъ и съ иными ²⁾ нѣкими латинскаго діалекта, въ Польской землѣ“, ученые братья разсуждаютъ о невозможныхъ разнствахъ между восточною и западною церковію: о папѣ, о квасномъ хлѣбѣ въ евхаристіи, о чистительномъ огнѣ, о брагѣ священниковъ, о постѣ въ субботу, о времени пресуществленія святыхъ даровъ на литургіи и проч. Послѣ „Акоса“, составляющаго спеціальное опроверженіе латинскаго ученія о времени пресуществленія святыхъ даровъ, сочиненіе это имѣетъ значеніе опроверженія латинства вообще, хотя по своему характеру оно близко подходитъ къ „Акосу“. Здѣсь также, какъ и въ „Акосѣ“, латинство опровергается мѣстами изъ Священнаго Писанія ³⁾, писаніями свѣтыхъ Отецъ ⁴⁾, церковно-историческими ⁵⁾, каноническими доводами ⁶⁾, филологическими ⁷⁾ основаніями и латинскими доводами ⁸⁾, которые свидѣтельствуютъ о всестороннемъ и широкомъ образованіи ученыхъ полемистовъ. Какъ же отвѣчалъ на эти сочиненія Медвѣдѣвъ? Онъ озадаченъ былъ эрудиціей и основательностію доводовъ Лихудовъ, и потому въ его полемикѣ, послѣдовавшей за „Акосомъ“ и „Діалогами“, мы не находимъ ученаго опроверженія Лихудовъ или развитія какой-нибудь одной опредѣленной и серьезной мысли, а только раздраженность и ожесточенную брань противъ греческихъ пришельцевъ и ихъ послѣдователей. Въ сочиненіи, изданномъ въ это время и извѣстномъ въ рукописи подъ именемъ: „Пренеистоваго нѣкоего безъимянника неистовнобреханіе на святую восточную церковь въ лицѣ и имени учи-

¹⁾ «Діалоги».... Лихудовъ содержится въ «Мечецѣ духовномъ», который изданъ печатно въ 1866 г. Также, какъ и «Акосъ», это сочиненіе было написано Лихудами на греческомъ языкѣ. Окончательную редакцію на славянскомъ языкѣ далъ ему Евоній (Опис. рукоп. Моск. синод. библ., II, 3, № 302, стр. 476—7), что подтверждается особенно буквальною переводомъ сочиненія, свойственною Евонію (на стр. 226, 229, 232—233 и друг. «Мечеца духовнаго» встрѣчается, напр., слово: «имство»; срав. съ образцами переводныхъ работъ Евонія въ Опис. рукоп. Моск. синод. библ., II., 2 и 3).

²⁾ «Мечецѣ духовный», стр. 41.

³⁾ Тамъ же, стр. 125 и слѣд.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 186 и слѣд.

⁵⁾ Мечецѣ духовный, стр. 167 и слѣд.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 151 и слѣд.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 203 и слѣд. 215 и слѣд.

⁸⁾ Эти доводы особенно замѣтны и въ 17-мъ разглагоствіи «діалоговъ» (236 стр. Мечеца духовнаго).

телей православныхъ Іоаннікія и Софронія Лихудіевыхъ" ¹⁾, авторъ, принимающій сторону Медвѣдева, называетъ Лихудовъ „бѣшенными собаками“, „лютими звѣрами“, „свершившими нетопырями“, „слѣпыми совами“, „пакостниками“ и проч., подбирая цѣлый рядъ бранныхъ словъ для выраженія своего желчнаго негодованія. Но Лихуды не смутились этимъ. На это, по истинѣ „Истиннобреданіе“ послѣдовало „Показаніе истины“, или „На не истовное бреданіе отвѣтъ мудрѣйшихъ учителей Іоаннікія и Софронія Лихудіевыхъ" ²⁾, въ которомъ (отвѣтъ) ученые братья спокойно и въ тоже время весьма остроумно и основательно отражаютъ нападенія Медвѣдева.... На этомъ пока и прекратилась полемика двухъ лагерей.

¹⁾ Рукопись Импер. публ. библ., № 1227. Такое названіе этому сочиненію далъ Евемій (Опис. рукоп. Моск. синод. библ., II, 3, № 299, стр. 466). Это сочиненіе извѣстно еще и подъ другимъ названіемъ: „Тетрадь на Іоаннікія и Софронія Лихудіевыхъ“. Но дѣйствительно ли оно написано Медвѣдевымъ—этого нельзя утверждать положительно. Савва Долгій въ своемъ покаянномъ исповѣданіи приписываетъ его Медвѣдеву (Остенъ, стр. 166; см. Опис. рукоп. Моск. синод. библ., II, 3, № 299, стр. 467); между тѣмъ патріархъ Іоаннъ, предавая анафемѣ въ поучительномъ словѣ, „Манну“ Медвѣдева, называетъ эту тетрадь „особно отъ кого-либо написанною“ (Остенъ, стр. 146). И весьма вѣроятно, что сочиненіе это было только издано въ свѣтъ отъ имени Медвѣдева, а написано кѣмъ либо изъ его сторонниковъ.

²⁾ Рукоп. № 1227, л. 21 об. Отвѣтъ этотъ писанъ Софроніемъ Лихудомъ, какъ видно изъ словъ 47-го отвѣта: „наки пишетъ ложно на брата моего Іоаннікія“.

С. Любимовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕНТЯВРЬ.

1875.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CLXXI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографіи В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.

1875.

Printed in USSR
(Russia)

СОДЕРЖАНІЕ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДАДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА Г. МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1873 ГОДЪ.

Правительственныя распоряженія.

Иванъ Посошковъ А. Бриенера.

**Борьба между представителями великорусскаго и малорусскаго направленія въ Велико-
россіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ С. Любимова.**

Одна изъ южно-германскихъ гимназій . . . Шмидта.

Первый съѣздъ русскихъ юристовъ въ Москвѣ:

I. Отчетъ г. председателя съезда русскихъ юристовъ въ Москвѣ. Н. Калачева.

II. Рѣчь заслуженнаго профессора Императорскаго Московскаго университета В. И. Лешкова, произнесенная при открытіи съезда русскихъ юристовъ 5-го іюня 1875 года. В. Лешкова.

III. Рѣчь заслуженнаго профессора Императорскаго Московскаго университета С. П. Баршева, произнесенная въ засѣданіи перваго съезда русскихъ юристовъ 8-го іюня 1875 года С. Баршева.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ б) низшихъ училища.

Отдѣлъ классической филологіи.

(См. на 3-й стр. обѣртки.)

БОРЬБА МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВЕЛИКОРУССКАГО И МАЛОРУССКАГО НАПРАВЛЕНІЯ ВЪ ВЕЛИКОРОССІИ ВЪ КОНЦѢ XVII И НАЧАЛѢ XVIII ВѢКОВЪ ¹⁾.

IV.

Полемика между Медвѣдевымъ и Лихудами имѣла сильное вліяніе на московское общество. Въ Москвѣ въ то время, какъ мы говорили уже, распространялись во множествѣ книги южно-русскаго, западно-русскаго и западно-европейскаго происхожденія. Они читались и производили въ массѣ волненіе тѣмъ болѣе, что и само общество находилось тогда въ возбужденномъ состояніи и было склонно къ броженіямъ и смутамъ. Въѣвъ Медвѣдева въ Великороссіи былъ временемъ, когда ревнители стараго склада жизни начинали уже чувствовать приближеніе новаго порядка вещей. И хотя этотъ порядокъ не выяснился еще вполне, ревнители старины уже приготовились къ отпору. Они рѣшились не сдаваться скоро, и не успѣлъ еще молодой орелъ—царь Петръ—вполнѣ расправить свои крылья, какъ встревоженные элементы стараго уже начали приходить въ броженіе. Въ концѣ XVII столѣтія поднимаются раскольники, бунтуются стрѣльцы. Мало по малу, подъ главенствомъ Софьи, образуется цѣлая партія недовольныхъ, и въ этой партіи примиряются и объединяются всевозможные элементы: сюда примыкають раскольники, стрѣльцы; сюда же съ своими послѣдователями примыкаетъ и Медвѣдевъ. И послѣдній до такой степени дѣлается приверженцемъ этой партіи, что наравнѣ съ Ѳеодоромъ Шекловитымъ участвуетъ въ политическомъ возмущеніи и вмѣстѣ съ нимъ обвиняется въ злоумышленіи на патріарха и ихъ царскія величества.

¹⁾ Окончаніе. См. августовскую книжку *Журн. Мин. Народн. Просв.* за текущій годъ.

Но неужели партія Медвѣдева могла стать подъ одно знамя съ раскольниками и стрѣльцами? Чтобы понять возможность этого, необходимо обратить вниманіе на то, что и стрѣльцы, бунтовавшіе съ раскольниками, не всѣ раздѣляли ихъ упорство относительно религіозныхъ обрядовъ. Тѣхъ и другихъ соединяла между собою общность протеста противъ патріарха и законной власти, начинавшей вѣять новшествами. Также и Медвѣдевъ былъ вооруженъ противъ патріарха, и тѣмъ болѣе онъ становился приверженцемъ этой общей партіи недовольныхъ, что его идеи раздѣляла глава протеста, правительница Софья, съ своимъ приверженцемъ Голицынымъ стоявшая вполнѣ на сторонѣ идей и направленія Медвѣдева. По приказанію Софьи была написана „Малпа“ Медвѣдева ¹⁾, и вѣроятно, не безъ ея участія Голицынъ пересылалъ въ Москву, написанное въ Кіевѣ, обличеніе на Лихудовъ. Самъ Медвѣдевъ говорилъ, что Софья хотѣла возвести его на патріаршество вмѣсто Іоакима ²⁾. Такое сочувствіе правительницы и ея приверженца къ дѣлу Медвѣдева имѣло слишкомъ широкія начала и выходило изъ ихъ привязанности вообще къ католическому міру. Софья и Голицынъ, въ свое время, какъ извѣстно, были покровителями іезуитовъ, которые при нихъ являются въ Москву и усиливаются до такой степени, что одинъ изъ нихъ имѣлъ даже намѣреніе занять послѣ Іоакима Московскій патріаршій престолъ ³⁾, а сама Софья обвинялась народною молвою въ стремленіи соединить русскую церковь съ латинскою ⁴⁾.

При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ дѣло Медвѣдева получало, конечно, широкіе размѣры. Число его послѣдователей увеличивалось все болѣе и болѣе, и вопросы, поднятые имъ, особенно вопросъ о времени пресуществленія Святыхъ Даровъ, становились предметомъ народныхъ толковъ. „Нинѣ“, пишетъ патріархъ Іоакимъ, — „освоишася нѣціи чловѣковъ..., начаша дерзати о тайнствѣ — тайнствѣ, священной евхаристіи, разглагольствовати и испытывати, и о томъ вся вездѣ бесѣдовати и вѣщати и другъ со другомъ любопретися, овъ глаголя сиче, овъ же сиче... И не токмо мужіе, но и жены, и дѣтиши испытословятъ..., вездѣ съ другъ другомъ, въ схожденіихъ, въ собе-

¹⁾ См. дѣло о Шекловитомъ.

²⁾ Рук. синод. библи. о Медвѣдевѣ № 252.

³⁾ Іезуитъ этотъ Михаилъ Якоповичъ (*Document inédit sur l'expulsion des jésuites de Moscou en 1689*, par. *Gagarin*, 418—415.

. ⁴⁾ Ibid.

сѣдованіихъ, на пиришествяхъ, на торжищахъ, и гдѣ-либо случится кто другъ съ другомъ, въ яковомъ либо мѣстѣ, временно и безвременно, у мужей и женъ, то и слово о таинствахъ, и о дѣйствіяхъ, и о совершеніи ихъ, наипаче же о таинствѣ таинствъ (идѣже и ангели принятии трепещутъ), пресвятѣйшей евхаристіи, како пресуществляется хлѣбъ и вино въ Тѣло и Кровь Христову, и въ кое время, и кѣими словесы, и отъ такового нечѣлаго и неподобающаго совершенія и испытнословія и любопренія прозябоша свары и распри¹⁾.

Эти свары и распри, обратившія на себя вниманіе святѣйшаго Іоакима, заставили его разсмотрѣть нѣкоторыя книги южнорусскаго изданія (предметомъ его особеннаго вниманія былъ „Выкладъ“²⁾), послѣдствіемъ чего было то, что патріархъ усумнился въ православіи представителей южнорусской церкви. Съ этою цѣлію онъ началъ сношенія съ митрополитомъ Гедеономъ, Лазаремъ Барановичемъ и архимандритомъ Киевопечерской лавры Варлаамомъ Ясинскимъ³⁾. Въ мартѣ 1688 г. патріархъ послалъ Киевскому митрополиту Гедеону и Лазарю Барановичу грамоту, въ которой спрашивалъ, какія они имѣютъ свѣдѣнія о Флорентійскомъ соборѣ, и какъ они судятъ объ его опредѣленіяхъ⁴⁾. На это Гедеонъ отвѣчалъ довольно голословно,

¹⁾ Остенъ, стр. 114—116.

²⁾ Опис. рукоп. Моск. синод. библ. II, 3, № 310, стр. 506.

³⁾ При изложеніи этихъ сношеній матеріаломъ для автора служили: 1) Опис. рукоп. Моск. синод. библ. II, 3, № 310; 2) Письма Барановича (печат. изд. пѣ Черниговъ) и 3) V т. Актовъ архива юго-западной Россіи, въ которомъ помѣщены акты, относящіеся къ присоединенію Киевской митрополіи Московскому патріарху и содержащіеся въ рукописи, известной подъ именемъ «Иконы». При этомъ позволимъ себѣ небольшое отступленіе. При сравненіи содержанія V т. Актовъ съ «Иконою» мы находимъ въ этомъ томѣ пропуски. Такъ, здѣсь не помѣщены, напримѣръ, ни въ текстѣ, ни въ особомъ оглавленіи актовъ «Иконы», не входящихъ въ настоящій томъ: «Письмо александрійскаго патріарха Герасима къ Адріану, патріарху Московскому» (на 152—153 лл. рукоп. «Иконы», принадлежащей Импер. публ. библ.) и «Письмо къ патріарху Адріану архіеп. Холмогорскаго Аѳанасія» (на 369—372 лл. «Иконы»). Также, при сравненіи печатнаго изданія писемъ Барановича съ V т. Актовъ архива юго-западной Россіи, мы находимъ, что всѣ письма Лазаря и къ нему различныхъ лицъ, содержащіеся въ этомъ томѣ, не помѣщены въ указанномъ печатномъ изданіи писемъ Барановича, которое, такимъ образомъ, оказывается далеко не обнимающимъ всей сохранившейся до насъ переписки архіепископа Черниговскаго.

⁴⁾ Патріархъ спрашивалъ объ этомъ потому, что на Флорентійскомъ соборѣ латинское ученіе о пресуществленіи выдано было за всегдашнее ученіе церкви вселенской.

что Флорентійскій соборъ и всѣ его дѣянія — дѣянія людей, водимыхъ не духомъ истины, а своекорыстными побужденіями ¹⁾; а Лазарь Барановичъ, хотя и писалъ, что отвергаетъ Флорентійскій соборъ, какъ незаконный, но далъ такой объективный отвѣтъ, что патріархъ Іоакимъ имѣлъ право подозрѣвать его въ согласіи съ опредѣленіями этого собора ²⁾. Поэтому Іоакимъ отправилъ къ нимъ новыя грамоты, а также къ Киевопечерскому архимандриту Варлааму Ясинскому; вмѣстѣ съ грамотою патріархъ препроводилъ къ нимъ „обличеніе на Выкладъ“, помѣщенное въ Остенѣ, спрашивая при этомъ, какъ вѣрують они о пресуществленіи Святыхъ Даровъ ³⁾. Сначала эти лица замедлили отвѣтомъ, и патріархъ Іоакимъ даже упрекалъ въ этомъ особою грамотою митрополита Гедеона, а потомъ, когда они прислали отвѣтъ, то отвѣтъ ихъ былъ не вполне согласенъ съ православнымъ ученіемъ о времени пресуществленія Святыхъ Даровъ ⁴⁾. Тогда патріархъ послалъ къ митрополиту Гедеону и Варлааму Ясинскому новое посланіе съ упрекомъ, что, оставивъ безъ вниманія присланное имъ „обличеніе Выклада“, они опираются на свои повопечатанныя книги и превратно толкуютъ изреченія святыхъ отцевъ; при этомъ онъ указалъ на одно поврежденное мѣсто въ Киевскомъ служебникѣ и сдѣлалъ замѣчаніе о книгѣ „Миръ съ Богомъ“ Иннокентія Гизеля ⁵⁾. Разногласіе оказывалось очень значительнымъ и было такъ серьезно, что патріархъ писалъ въ этой грамотѣ митрополиту Гедеону и Варлааму Ясинскому: „Аще же ли не хотите пребыти въ предѣлѣхъ и догматахъ святыхъ нашихъ отецъ... рцыте намъ, съ кѣмъ прочее согласіе и общеніе имѣти будете; къ кому выю подклонити и благословеніе воспринимати; кого же пастыря и главу имате“ ⁶⁾... Знаючи, дѣло легко могло окончиться отдѣленіемъ южнорусской церкви, а между тѣмъ патріархъ не желалъ даже явной огласки этого разногласія. Онъ писалъ здѣсь же: „Молительно просимъ, не поудите своимъ разгласіемъ писати и все подробно назнаменати къ братіи нашей, чотыремъ святѣйшимъ патріархомъ, и всему священному ихъ собору, да не тяжко тѣмъ что о семъ на вы изрекутъ... и сего ради“, писалъ онъ, „пришлите къ намъ отъ лица вашего духовнаго

¹⁾ Опис. рукоп. Моск. синод. библ. № 310, стр. 506.

²⁾ Ibid., стр. 507, Письма Барановича, стр. 230—235.

³⁾ Ibid., стр. 507—508.

⁴⁾ Ibid., стр. 508.

⁵⁾ Ibid.

⁶⁾ Опис. рукоп. Моск. синод. библ. № 317, стр. 517.

чина мужа смиренномудра прискренно восточныя церкви сына, вѣдуща извѣстно писанія святыхъ отецъ древнихъ учителей святыхъ Христовы восточныя церкви, а не силлогизмами и аргументами токмо упражняющася: да чрезъ того вы познаете вся наша, а мы ваша и тако всякое разгласіе гонзеть" ¹⁾). На эту просьбу посланъ былъ въ Москву Ватуринскій игумень, извѣстный впоследствии святитель Димитрій Ростовскій.

Но хотя патріархъ Іоакимъ и не хотѣлъ писать объ этомъ разноголасіи четыремъ святѣйшимъ патріархамъ, тѣмъ не менѣе онъ послалъ письмо къ Діонисію, патріарху Константинопольскому, въ которомъ жаловался на еретическія ученія Южноруссовъ о таинствѣ евхаристіи и просилъ писать имъ объ этомъ. Письмо это предназначено было для прочтенія и прочимъ патріархамъ. „Блаженство же твое“, писалъ Іоакимъ Діонисію, — „и прочіи патріархіи отпишите соборнѣ сущимъ въ Кіевѣ и всѣмъ Россіи, яко глаголющія, яко таинство евхаристіи совершается токмо Господними словесами, безъ призванія Святаго Духа чрезъ молитву іерееву, суть латини. . и обличите ихъ, и запретите, и тяжко осудите... да не имуть волю и власть... ниже книги какія печатати, ниже ино что ²⁾ творити безъ нашего соборнаго разсмотрѣнія“. Къ этому же времени, вѣроятно, относится и письмо патріарха Іоакима къ Варлааму Ясинскому, съ выговоромъ, что въ типографіи лавры печатаются книги безъ предварительнаго разрѣшенія отъ патріарха и содержащія въ себѣ еретическія мнѣнія ³⁾.

Между тѣмъ отвѣтъ патріарху Іоакиму эти лица послали своимъ чередомъ. Они писали ему, что „во всемъ согласны съ ученіемъ восточной церкви православнаго католической и никакихъ новоизобрѣтенныхъ мудрованій не держатся“ ⁴⁾.

Оставался теперь одинъ только Лазарь Барановичъ. Въ своемъ посланіи, отправленномъ съ Θεодосіемъ Углицкимъ, Елецкимъ архимандритомъ ⁵⁾, Барановичъ писалъ патріарху, что „вся малороссійская церковь постоянно вѣровала и исповѣдывала, яко словеса Христа Господа бываетъ пресуществленіе хлѣба въ пречистое и животворящее

¹⁾ Ibid.

²⁾ *Архивъ югозападной Россіи*, т. V, стр. 198—199.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Опис. рукоп. Моск. синод. библ., II, 3, № 317, стр. 517.

⁵⁾ Опис. рукоп. Моск. синод. библ., II, 3, № 310, стр. 511.

Тѣло, и вина въ пречистую и животворящую Кровь Господню“; что таковое ученіе заимствовано не отъ растлѣнныхъ латинскихъ книгъ, а отъ греческихъ учителей, соблюдавшихъ догматы православно-восточной церкви“, и что „тетрадь „Выкладъ“ не есть подвергъ унитскій или іезуитскій, а равно и ученіе объ евхаристіи, въ немъ изложенное, не противно восточной церкви“, ибо оно согласно со всѣми книгами, вышедшими изъ Кіевской Печерской типографіи, каковы: „Бесѣды Св. Златоуста, требникъ великій, служебникъ, катихизисъ, „Лицеосъ или камень“, „Миръ съ Богомъ“, Иннокентія Гизеля, одобренный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и патріархомъ Іоасафомъ ¹⁾... На это заявленіе Варановича патріархъ отвѣчалъ ему грамотою, въ которой опровергалъ его мнѣніе. Но архіепископъ Черниговскій „ничтоже писа“ патріарху на эту грамоту и потому „послалъ еще“ ²⁾. Въ этой новой грамотѣ Іоакимъ требовалъ отъ Лазаря рѣшительнаго отвѣта: „Аще же и нынѣ насъ пренебрежеша“, писалъ онъ, — „и не вскорѣ намъ о всемъ семъ совершенное извѣстіе даси: буди вѣдая: аще и самъ азъ по благодати Всесвятаго Духа власть имамъ съ сыныи моими преосвященными и боголюбезными архіереи судъ о тебѣ изнести: но ради вѣщаго извѣщенія воспишу вси яже о тебѣ братиі начало папства нашего четырьмя святѣйшимъ патріархомъ: и вси о тебѣ купно судъ достойный, къ мѣрности нашей преслушанія и презорства твоего: къ святѣй же церкви противленія изнесемъ. А донеле же о себѣ намъ не извѣстиши, до совершеннаго о тебѣ суда буди ничтоже священныя дѣйствуя: да знаеши главу и отца твоего: и да научиши не быти презорливъ и не послушливъ къ архипастырю своему и къ восточнѣй церкви святѣй“ ³⁾... Это устратило Варановича, и въ особой грамотѣ (отъ 18-го ноября 1689 г.) онъ изъяснилъ наконецъ свое согласіе съ ученіемъ православной церкви о времени пресуществленія Святыхъ Даровъ. Такъ и окончились эти продолжительныя сношенія, въ теченіе которыхъ одному только Барановичу патріархъ Іоакимъ послалъ семь грамотъ ⁴⁾.

Все это показываетъ, на сколько преданы были латинскимъ нововмѣщеніямъ представители южнорусской церкви, и какъ несокрушимъ и рѣшителенъ былъ патріархъ, добившійся наконецъ согласія. Но

¹⁾ Письма Барановича, стр. 230—235.

²⁾ Опис. рукоп. Моск. синод. библ., II, 3, № 310, стр. 511.

³⁾ Опис. рукоп. Моск. синод. библ., II, 3, № 310, стр. 512.

⁴⁾ Тамъ же.

какъ бы то ни было, согласіе это не имѣло особеннаго значенія. Если архипастыри Гедеонъ, Лазарь и Варлаамъ согласились съ патріархомъ, то за ними стояла масса подчиненнаго имъ духовенства, воспитаннаго въ латинскихъ новомышленіяхъ и не разстававшагося съ ними. Это долженъ былъ угадывать патріархъ Іоакимъ.

Съ другой стороны, обращаясь къ представителямъ Кіевского направленія въ центрѣ Россіи, онъ видѣлъ, что полемика Лихудовъ съ Медвѣдевымъ и вся вообще просвѣщенная ихъ дѣятельность, направленная къ искорененію католическихъ идей, распространившихся въ массѣ въ связи съ политическимъ волненіемъ, слишкомъ недостаточны для уничтоженія зла. Патріархъ Іоакимъ чувствовалъ, что для искорененія заблужденій необходимы болѣе внушительныя и сильныя мѣры, чѣмъ тѣ, которыя были испытаны до сихъ поръ. Онъ понималъ, что теперь нужны мѣры, имѣющія высшій и непоколебимый авторитетъ, и въ виду всего онъ рѣшился созвать соборъ.

Но случилось такъ, что глава представителей Кіевского направленія, Медвѣдевъ, отказался отъ своихъ мнѣній еще до собора.

Мы уже говорили, что онъ былъ другомъ Ѳеодора Шекловитаго и вмѣстѣ съ нимъ и другими своими сообщниками замышлялъ на мятежъ и убійство. Объ этомъ мятежѣ говорится слѣдующее въ „Щитѣ вѣры“ ¹⁾: „Народъ простой и войны и инія возмутитася и хотяху въ мѣсяцѣ августѣ (1689 г.) смертно убити главу и отца всего Російскаго царства святѣйшаго куръ Іоакима патріарха, и нѣкая иныя чина архіерейскаго..., имяше бо онъ Сильвестръ на таковое невинное кровопролитіе споспѣшника и помощника друга своего..., къ царскому же пресвѣтлому величеству измѣнника и крестопреступника Ѳеодора Шекловитаго..., втораго имѣя споспѣшника“ и т. д. (перечисляются сообщники)...

Когда началось слѣдствіе по этому дѣлу (дѣло о Шекловитомъ), Медвѣдевъ скрылся изъ Москвы и направился къ польской границѣ, но его схватили и вмѣстѣ съ Гладкимъ однимъ изъ его сообщниковъ, отправили въ Троицкій монастырь. Здѣсь его подвергли допросу, на которомъ онъ показалъ, что книгу „Манну“ писалъ по приказанію царевны. Потомъ Медвѣдева растредили и пытали, а затѣмъ отдали въ руки духовному начальству, которое приставило къ нему двухъ увѣщателей: Новоспасскаго архимандрита Игнатія и Софронія Ли-

¹⁾ Щитъ вѣры по Опис. рук. Моск. синод. библ., II, 3, № 310, стр. 514.

худя ¹⁾. Находясь въ такихъ обстоятельствахъ, Медвѣдевъ написалъ, какъ говоритъ патріархъ Іоакимъ, „своеручно покаянное исповѣданіе о бывшемъ своемъ коварномъ ухищреніи на святую восточную церковь..., и съ великимъ умнленіемъ исповѣдуясь, чтыше (это исповѣданіе) предъ образомъ Пресвятыя и Живоначальныя Троицы... И прочесть онъ... оно свое рукописаніе подаде е архимандриту Викентію съ низайшимъ поклоненіемъ даже до земли..., прося послати то его писаніе къ мѣрности нашей, извѣствуя ему, архимандриту, и словеса, яко написа онъ писаніе оно самовольно правою мыслию и добротнымъ сердцемъ, безъ всякія лести и лукавства“ ²⁾. Въ томъ же году и мѣсяцѣ (въ декабрѣ 1689 г.,) представилъ свое покаянное исповѣданіе и одинъ изъ сообщниковъ Медвѣдева, бывшій іерей, Савва Долгій ³⁾. Оба эти исповѣданія помѣщены въ Остенѣ. Замѣчательно, что, читая ихъ, рѣшительно нельзя повѣрить, чтобъ они были написаны Медвѣдевымъ и его сообщникомъ: до такой степени они проникнуты духомъ смиренія и раскаянія. Патріарха Іоакима, противъ котораго злоумышлялъ Медвѣдевъ, онъ называетъ въ своемъ исповѣданіи „пастыремъ добрымъ, полагающимъ душу свою за овцы, вѣрнымъ строителемъ Христовыхъ таинъ“ ⁴⁾ и проч., Лихудовъ — „пречестными отцами и мужами, свидѣтельствованными въ вѣрѣ православнѣй и мудрости“ ⁵⁾, а „книгу, нареченную Врачество (Акосъ), юже они изложиша, азъ нынѣ пріемлю“, говоритъ Медвѣдевъ— „и лобызаю, исповѣдую православу сущу“; вмѣстѣ съ тѣмъ свою „Манну“ онъ называетъ въ исповѣданіи „обманною“ и „прелестью“. „Не хлѣба животнаго Манна, но яда душегубительнаго отравѣ“ ⁶⁾, говоритъ онъ здѣсь о своемъ сочиненіи. Вмѣстѣ съ этимъ онъ совершенно отказывается въ покайномъ исповѣданіи и отъ своихъ прежнихъ мнѣній. „Азъ окаянный Сенка вся та злѣ превращахъ“, говоритъ онъ,— „пиша о пресуществленіи по латинской части“ ⁷⁾, и о томъ нынѣ, что въ пресуществленіи соглашахъ римскую церковь съ восточною, азъ каюся и прощенія прошу и разрѣшенія у святѣйшаго Патріарха и

¹⁾ Остенъ, стр. 86; Акты Историч. V, № 194.

²⁾ Остенъ, стр. 83.

³⁾ Тамъ же, стр. 85, см. съ 111 стр.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 86.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 92.

⁶⁾ Остенъ, стр. 93.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 95.

всего священнаго собора" ¹⁾. Тоже говорятъ въ своемъ исповѣданіи и Савва Долгій ²⁾. Въ заключеніе Медвѣдевъ предастъ анафемѣ свою „Манну“, и „иная своя неправая писанія“, обрекая все это на сожженіе ³⁾.

По видимому, этимъ дѣло и должно было окончиться, но за Медвѣдовымъ, также какъ и за представителями южнорусской церкви, стояло множество прельщенныхъ и совращенныхъ имъ лицъ, такъ какъ, по его собственнымъ словамъ, „своимъ поученіемъ“ онъ „премножайшія прельсти и соблазны“ ⁴⁾. Этими людьми наполнена была Москва, и особенно ихъ много было въ Малороссіи, гдѣ непосредственно распространялась кіевская ученость, и куда, какъ мы видѣли, проникали даже сочиненія, написанныя въ Москвѣ. Поэтому созваніе собора и послѣ раскаянія Медвѣдева представлялось далеко не излишнее, и этотъ соборъ былъ собранъ въ Москвѣ, въ январѣ 1690 года.

Патріархъ Іоакимъ такъ разказываетъ объ немъ въ Остенѣ: „Мѣрность же наша, пріемши у посланныхъ тое писаніе (покаянное исповѣданіе Сильвестра Медвѣдева), по нѣкихъ днѣхъ собра въ патріаршескую крестовую палату преосвященныя архіереи и всего царствующаго града Москвы весь священный чинъ: архимандриты, игумены, протопресвитеры, іереи и діаконы отъ всѣхъ церквей“ ⁵⁾. Когда всѣ собрались, патріархъ повелѣлъ протопресвитеру Успенскаго собора Іоанну читать вслухъ сначала исповѣданіе Сильвестра Медвѣдева, а потомъ Саввы Долгаго, а по прочтеніи ихъ читалъ свое исповѣданіе самъ Медвѣдевъ, и при этомъ со слезами каялся, „яко вси присущи тогда тамо свидѣтельству“ ⁶⁾. Когда окончилось это чтеніе, тотъ же протопресвитеръ Іоаннъ началъ читать „поучательное слово“, составленное Іоакимомъ и обращенное отъ его имени ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Въ поучательномъ словѣ ⁷⁾, составляющемъ главный документъ о дѣлахъ собора, патріархъ рисуетъ картину религіознаго волненія, вызвавшаго созваніе собора, и пред-

¹⁾ Тамъ же, стр. 96.

²⁾ Тамъ же, стр. 104—111.

³⁾ Тамъ же, стр. 98—99.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 100.

⁵⁾ Остенъ, стр. 84.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 85.

⁷⁾ Помѣщено въ Остенѣ вслѣдъ за покаяннымъ исповѣданіемъ Медвѣдева и Саввы Долгаго (стр. 111—141).

ставляетъ исторію и обличеніе западнаго вѣрованія о пресуществленіи. Сначала онъ излагаетъ общую исторію этого вѣрованія, начиная съ Флорентійскаго собора ¹⁾, а затѣмъ переходитъ къ появленію этого мнѣнія у насъ въ Россіи. По словамъ патріарха, его занесли въ Россію „юноши нѣціи, иже изъ царствующаго града Москвы восхотѣша отъйти въ Полское кролевство ради ученія латинскаго“ ²⁾, и потомъ, когда великій князь Алексѣй Михайловичъ „покорн... полскаго государства нѣкія грады и поддашася подъ его царскую руку Малороссійскія страны, христіане, иже прежде купно живущіи съ Поляки и Литвою, сущими латинскія части и мудрованія, и обучившіися латинскимъ всякимъ обычаемъ, начаша въ Московское государство отгуду приходить іерен и монаси, и мірстіи“ ³⁾. Эти лица, по словамъ патріарха, и распространили у насъ латинскую ересь. Далѣе патріархъ останавливается на Симеонѣ Полоцкомъ ⁴⁾ и Сильвестрѣ Медвѣдевѣ ⁵⁾, говоритъ о новотворныхъ книгахъ Кіевскихъ ⁶⁾, упоминаетъ о своей перепискѣ съ представителями южнорусской церкви ⁷⁾ и въ заключеніе передаетъ анагемѣ не только сочиненія Сильвестра Медвѣдева и другія, противныя православной вѣрѣ ⁸⁾, но даже и того, кто будетъ держать у себя эти сочиненія и не объявитъ о нихъ духовному отцу: „таковій“, говоритъ патріархъ, — „да будетъ властію, данною намъ отъ Всесвятаго и Вседѣтельнаго Духа вязати и рѣшати, связанъ и отъ церкви святыхъ и пречистыхъ таинъ причащенія отлученъ и вѣчную казнь отъ Бога пріиметь, дондеже искренно покается“ ⁹⁾....

Такимъ образомъ, соборнымъ опредѣленіемъ были окончательно рѣшены всѣ вопросы о представителяхъ кіевскаго направленія, и для большей силы соборнаго опредѣленія тогда же было постановлено издать въ рукописномъ сборникѣ покаянныя писанія „Сенки Медвѣдева“ и монаха Симеона Долгаго и архипастырское поученіе, „дон-

¹⁾ Остенъ, стр. 123.

²⁾ Тамъ же, стр. 124.

³⁾ Тамъ же, стр. 125.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 130 и слѣд.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 140 и слѣд.

⁶⁾ Тамъ же, 142 и слѣд.

⁷⁾ Тамъ же, 144—145.

⁸⁾ Тамъ же, стр. 146.

⁹⁾ Остенъ, стр. 147.

деже все, о семъ потруженное“, прибавляетъ Іоакимъ, — „будетъ собрано и печатнымъ тисненіемъ издано“ ¹⁾).

Этотъ сборникъ, извѣстный подъ именемъ „Остена“, составленъ по порученію патріарха Іоакима инокомъ Евенніемъ и Лихудами ²⁾. Въ другомъ, позднѣйшемъ „Остенѣ“, іеродіакона Дамаскина ³⁾, прямо сказано, что патріархъ Іоакимъ „подниже въ помощь себѣ.... Іоанникия и Софронія Лихудіевыхъ и иныхъ иѣкинъ, къ симъ же и сего Евеннія собрать не увѣтливыя глаголы чловѣческія хитрости, но простѣ лежащія писанія апостольскихъ литургій.... да будетъ убо поятельно всякому въ „Остенѣ“ не красота глаголь, но святыхъ (отецъ) разумѣнія и писанія показующая, яко молитвою іерейскою и призваніемъ святаго Духа святыхъ даромъ пресуществленіе бываетъ“.

Впрочемъ, „Остенъ“ Евеннія и Лихудовъ далеко не обнималъ собою всѣхъ документовъ по дѣлу о представителяхъ кievскаго направленія, и потому патріархъ Іоакимъ замышлялъ издать другой сборникъ — „Щитъ вѣры“ ⁴⁾, но смерть остановила это дѣло, которое исполнилъ уже патріархъ Адріанъ. Этотъ новый патріархъ хотя не наслѣдовалъ отъ своего предшественника всей ревности и бдительности къ интересамъ русской жизни и русской церкви, тѣмъ не менѣе и его патріаршество ознаменовано нѣкоторыми иѣропріятіями противъ латинскихъ началъ и уцѣлѣвшихъ представителей кievскаго направленія. Это отчасти зависѣло отъ его личныхъ взглядовъ и убѣжденій (сохранилось одно поученіе патріарха Адріана къ право-

¹⁾ Тамъ же, стр. 85.

²⁾ По печатному изданію 1865 г., кромѣ «покаянныхъ писаній Сильвестра Медвѣдова и Саввы», «Обличенія на Выкладъ» и «Почутельнаго слова Іоаннима», составленнаго подъ очевиднымъ вліяніемъ «Акоса» Лихудовъ, въ «Остенѣ» входятъ еще и нѣкоторыя другія статьи, напримѣръ, «объ іеромонахахъ Епифаніи Славинецкомъ и Симеонѣ Полоцкомъ» (написана Евенніемъ и содержитъ въ себѣ известное намъ разглагольствіе между Епифаніемъ и Симеономъ) и проч. Но есть списки, которые разнятся отъ печатнаго изданія. Таковъ, напримѣръ, списокъ, принадлежащій Московской синод. библ., подъ № 291, въ которомъ есть статьи, не помѣщенныя въ печатномъ «Остенѣ», и на оборотъ (ср. печат. изд. «Остена» и опис. рукоп. Моск. синод. библ., II, 3, № 291). По всей вѣроятности, существуютъ и другіе варианты.

³⁾ Листъ 10.

⁴⁾ Въ прошеніи Евеннія къ патріарху Адріану объ изданіи книгъ, приложенномъ къ «Щиту вѣры» (Опис. рукоп. Москов. синод. библ., II, 3, № 310, стр. 499) говорится, что «Щитъ вѣры» собранъ и оставленъ святѣйшимъ Іоакимомъ патріархомъ, а немного далѣе, въ этой же рукописи, помѣщено предисловіе патріарха Іоакима къ книгѣ: «Щитъ вѣры» (тамъ же, стр. 503).

славнымъ христіанамъ (въ сбор. Соф. библ., № 1503, лл. 240, 265), которое доказываетъ нетерпимость его къ латинскому и вообще западному міру, а отчасти объясняется тѣмъ, что еще живы были со-трудники и помощники умершаго Іоакима—Евѣимій, Лихуды и другіе. Вліяніе представителей кievскаго направленія продолжало проявляться еще во многомъ, и этимъ лицамъ оставалось широкое поле дѣятельности.

Главнымъ дѣятелемъ является теперь Евѣимій. Ратуя за православную церковь онъ предлагалъ для окончательнаго искорененія латинскихъ началъ серьезныя и радикальныя мѣры. Въ своемъ прошеніи патріарху Адріану ¹⁾ Евѣимій указываетъ на множество вновь составленныхъ книгъ, которыя предлагаетъ издать для противодѣйствія разнымъ ересимъ, растерзывающимъ церковь, по его словамъ, „не на двое, яко при Аріи, но на многи раздоры“. Къ этимъ книгамъ, кромѣ „Евангелія и богодухновенныхъ правилъ святыхъ апостолъ и отецъ, собиравшихся на всѣхъ святыхъ синодѣхъ“ онъ относитъ различныя: „Щиты“, „Остны“, „Сѣчива крушащая еретиковъ“... и иная оружія, потружденная чрезъ мужы мудрыя и святыя, яже суть сія: Діонисія Ареопагита..., Пахимера Мудраго..., Василия Великаго..., Григорія Богослова“ и др. Сюда же относитъ онъ и „Діалоги Грека, мудраго учителя, съ іезуитомъ нѣкимъ“, и „Акосъ“. Однѣ изъ этихъ книгъ, по словамъ его, собраны и оставлены святѣйшимъ Іоакимомъ, а нѣкоторыя присланы Іерусалимскимъ патріархомъ Досифеемъ; „и сія вся“, продолжаетъ онъ,—„со многимъ трудомъ преведена на словенскій нашъ языкъ... и еже бы къ врагомъ и порицателемъ церкви пашея православныя кому противоположитися, или отъ нихъ защититися не имуть, а и просятъ ови на прочитаніе, а ови и на списываніе: а безъ вашего великаго архіерея велѣнія того не получаютъ за опасеніемъ какова навѣта и оглаголанія.... Посему благоволі, государь, по своей архипастырской должности“, продолжаетъ Евѣимій,—„очеса слѣпыхъ отверсти и разумъ несмысленныхъ свѣтомъ воумленія просвѣтити, и ушесемъ глухихъ слово Божіе внушити, предпомяненныя греческія новопреведенныя святыя книги печатнымъ тисненіемъ издати“. Вмѣстѣ съ этимъ Евѣимій говоритъ въ своемъ прошеніи о польскихъ книгахъ, которыя „ереси латинскія наполнены“, и умоляетъ патріарха воспретить переводить эти книги, чтобы „не разсѣвалась прелесть между чистыя слова Божія пшеницы, и не распложались крымыи въ нихъ терны“.

¹⁾ Описаніе рукоп. Моск. синод. библ., II, 3, № 310.

Но этотъ проектъ составлялъ лишь идеальное желаніе одного изъ ревнителей православія, и хотя, по выраженію Евеніи, „поты кровавыя изліяшася“ на переводы упомянутыхъ противоеретическихъ книгъ ¹⁾, „печатнаго тисненія“ ихъ не послѣдовало. Также неизвѣстны какія-либо мѣропріятія Адріана и противъ польскихъ книгъ. Но изданіе различныхъ рукописныхъ сборниковъ продолжалось, отъ времени до времени, своимъ чередомъ, и самое видное мѣсто между ними занимаетъ „Щитъ вѣры“. Составленный вскорѣ послѣ „Остена“, сборникъ этотъ отчасти повторяетъ „Остенъ“ ²⁾, а отчасти представляетъ и новыя статьи. Изъ числа послѣднихъ особенно замѣчательны: о мятежѣ Сильвестра Медвѣдева и переписка патріарха Іоакима съ представителями южно-русской церкви ³⁾.

Неизвѣстно, былъ ли Евеній единственнымъ составителемъ „Щита вѣры“, но его участіе въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно. Оно доказывается помѣщенными здѣсь его собственными статьями ⁴⁾. Съ другой стороны, въ „Щитѣ вѣры“ видно также, какъ и въ „Остенѣ“ вліяніе Лихудовъ.

Свѣдѣнія о полемической дѣятельности этихъ ученыхъ Грековъ въ патріаршество Адріана слишкомъ скудны. Въ первые годы по смерти Іоакима, которые прошли для Лихудовъ въ непріятныхъ и тяжелыхъ тревогахъ ⁵⁾, они, по всей вѣроятности, вовсе не занимались полемикой, и единственный трудъ ихъ отъ этого времени, извѣстный намъ и имѣющій отношеніе къ представителямъ кievскаго направленія, относится къ пребыванію ихъ въ Новгородѣ, у митрополита Іова ⁶⁾. Трудъ этотъ помѣщенъ въ рукописи Софійской бібліотеки подъ № 1203 и озаглавляется такъ: „Обличеніе на гаждатели Священнаго Писанія Библии,

¹⁾ Опис. рукоп. Моск. синод. библ., II, 3, № 310, стр. 501.

²⁾ Здѣсь, напримѣръ, мы встрѣчаемъ: «Покаянную исповѣдь Медвѣдева», «Покаянное исповѣданіе Саввы Долгаго», «Поучательное слово патріарха Іоакима» и нѣкоторыя другія статьи, помѣщенные въ «Остенѣ» (Опис. рукоп. Моск. синод. библ. II, 3, № 310; Щитъ вѣры, стр. 515).

³⁾ Тамъ же, стр. 503—513.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 497—502; 517—523.

⁵⁾ См. объ этомъ въ статьѣ И. А. Образцова «Вратья Лихуды» (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1868 г., № 9, стр. 746 и слѣд.).

⁶⁾ Въ Сое. бібліотекѣ въ трехъ большихъ книгахъ (№ 1425—1427) хранится болѣе 600 писемъ митрополита Іова къ различнымъ лицамъ. Письма эти относятся къ первымъ годамъ XVIII столѣтія, и около половины ихъ (черновыѣхъ и бланковыхъ) написаны рукою Лихудовъ. Значитъ, Лихуды у митрополита Іова заведывали его дѣлами, были его домашними секретарями.

преведения изъ еврейскаго на еллинискій діалектъ богомудрыми мужы, Духа Святаго и мудрости наполненными, семьдесятъ двѣма переводчицами", ¹⁾). Это обличеніе составляетъ ученый разборъ предисловія на Библию, писаннаго Іеронимомъ, латинскимъ учителемъ ²⁾), или вѣриѣ, апологію перевода 70-ти, основанную преимущественно на Священномъ Писаніи и свидѣтельствахъ отцевъ восточной церкви.

На этомъ заканчивается второй фазисъ описываемой борьбы, въ которой она усложняется и совершенно теряетъ скрытый и сдержанный характеръ, отличавшій ее въ первый моментъ при Симеонѣ Полоцкомъ и Елифаніѣ Славинецкомъ.

Но остается еще сказать нѣсколько словъ о двухъ явленіяхъ, стоящихъ въ тѣсной связи и зависимости съ развитіемъ этой борьбы въ настоящемъ ея періодѣ. Явленія эти:—особенное развитіе въ концѣ XVII столѣтія полемической литературы вообще противъ латинства и отношеніе русской церковной власти къ русскимъ выходцамъ изъ заграничныхъ католическихъ школъ. Оба эти явленія имѣютъ весьма близкое отношеніе къ настоящей борьбѣ между представителями великорусскаго и малорусскаго направленія. Обратимся къ первому.

Со времени Флорентійскаго собора у насъ особенно стали распространяться различныя сочиненія противъ католичества, которыя къ концу XVII столѣтія составляютъ уже цѣлую литературу. Здѣсь мы встрѣчаемъ сочиненія ученыя, какъ, напримѣръ: „Возраженія противъ Флорентійскаго собора“ (принадлежатъ греческому діакону Іоанну и переведены Евѣиміемъ изъ собранія полемическихъ сочиненій противъ римской церкви, извѣстнаго подъ именемъ *Καταλλαγή* и изданнаго Іерусалимскимъ патріархомъ Досіеемъ въ 1692 г. ³⁾); „Сѣчивце противъ латинянъ“ (принадлежитъ Максиму Пелопонезскому и издано Іерусалимскимъ патріархомъ Досіеемъ въ 1690 г.; переведено Ѳеодоромъ Поликарповымъ съ участіемъ Евѣимія ⁴⁾), содержащее въ себѣ трактаты объ исхожденіи Святаго Духа, о безквасномъ хлѣбѣ, о чистилищѣ ⁵⁾ и проч.; „О власти папской“ (принадлежитъ Іерусалимскому патріарху Нектарію и переведено Ѳеодоромъ Поликарповымъ съ участіемъ Евѣимія ⁶⁾). Съ другой стороны, сюда же принадлежатъ

¹⁾ Рукоп. № 1203, л. 9.

²⁾ Тамъ же, л. 23.

³⁾ Опис. рукоп. Моск. синод. библ., II, 3, № 306.

⁴⁾ Тамъ же, № 307.

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Тамъ же, № 309.

сочиненія и съ болѣе вульгарнымъ характеромъ, какъ напримѣръ: „О фразѣхъ и прочихъ латынѣхъ и о многихъ ересеяхъ латинскихъ“ ¹⁾, „Повѣсть о прелести латынской“ ²⁾, передающая разговоръ Азимита съ философомъ Панагіотомъ, въ которомъ Панагіотъ разказываетъ Азиму, будто начало брадобритія пошло отъ одного папы, снявшаго себѣ бороду по прихоти женщины и сдѣлавшаго этотъ обычай обязательнымъ для всѣхъ подчиненныхъ ему духовныхъ лицъ. То же разказывается и въ повѣсти: „Почему папа и всѣ латинскіе ксендзы брѣютъ бороды и стригутъ волосы“ ³⁾. Поименованныхъ сочиненій весьма достаточно, чтобы догадываться о (греческомъ) происхожденіи этой литературы, и съ другой стороны, видѣть ея тѣсную связь съ религиозною борьбою конца XVII столѣтія. Особенно показываютъ эту связь сочиненія ученыя, появленіе которыхъ стоитъ въ прямой связи съ тенденціей, выраженною въ прошеніи Евѣимія патриарху Адріану объ изданіи вновь составленныхъ обличительныхъ книгъ.

Такую же связь съ этою борьбою имѣтъ и другое указанное нами явленіе. Извѣстно по „Остену“, что въ концѣ XVII столѣтія „юноши нѣцки изъ царствующаго града Москвы ходили ради ученія латинскаго“ не только „въ Полское королевство“ ⁴⁾, но и въ другія страны западной Европы. Тамъ они измѣняли наружно своему православію, и очень нерѣдко повреждали и внутреннюю чистоту своихъ вѣрованій, вслѣдствіе чего, по возвращеніи въ отечество, ихъ принимали не особенно довѣрчиво. Прежде принятія ихъ на какую-либо должность духовныя власти испытывали ихъ православіе, подвергавшееся очень нерѣдко даже соборному обсужденію, и принимали всевозможныя другія испытательныя мѣры, какъ это видно изъ біографіи Григорія Скибипскаго ⁵⁾, Петра Артемьева ⁶⁾ и Палладія Роговскаго ⁷⁾. Такое недовѣріе къ этимъ пришельцамъ только и можно объяснить осторожностію, съ какою тогда вообще относились къ людямъ западнаго воспитанія, и въ особенности, къ представителямъ кievскаго правленія.

¹⁾ Рук. Сое. библ. № 1519, л. 179—182.

²⁾ Тамъ же, об. л. 182—183.

³⁾ Рук. Сое. библ., № 1454, л. л. 151—155.

⁴⁾ Остенъ, стр. 124.

⁵⁾ *Православное Обзоріе* 1862 г., № 11.

⁶⁾ Тамъ же, 1863 г., № 10.

⁷⁾ Тамъ же.

V.

Покончивъ съ московскою борьбою между представителями великорусскаго и малорусскаго направленія, перейдемъ къ изложенію одного замѣчательнаго эпизода, по видимому, стоящаго внѣ всего предшествующаго хода этой борьбы, но на самомъ дѣлѣ имѣющаго съ нимъ тѣсную и глубокую внутреннюю связь. Этотъ эпизодъ составляетъ весьма характеристичный послѣдній отголосокъ борьбы между представителями двухъ указанныхъ направленій и уже относится къ первымъ годамъ XVIII столѣтія.

Послѣ Московскаго собора 1690 г., на которомъ были анафематствованы всѣ западные мнѣнія, занесенныя изъ Кіева, и преданы отлученію вмѣстѣ съ Медвѣдевымъ и всѣ другіе представители кіевскаго направленія, въ Москвѣ прекратилась всякая полемика между Москвитинами и Кіевлянами по направленію. Но она осталась въ различныхъ концахъ нашего широкаго отечества, гдѣ жили и дѣйствовали образованныя лица, хотя не принимавшія участія въ московской полемикѣ, но тѣмъ не менѣе интересовавшіяся ею и съ зоркимъ вниманіемъ слѣдившія за ея ходомъ. Такими лицами въ настоящую минуту являются предъ нами: представитель кіевскаго направленія—архимандритъ Гавріиль Домецкій и представитель строга великорусскаго направленія—іеродіаконъ Дамаскинъ, въ лицѣ которыхъ и возобновляется полемика предшествующаго періода.

Свѣдѣнія объ этой полемикѣ заимствованы нами изъ рукописи, извѣстной подъ именемъ „Остена“ Дамаскина ¹⁾.

Неизвѣстно, гдѣ и когда родился Гавріиль Домецкій, но несомнѣнно, что онъ окончилъ курсъ въ Кіевской академіи. Потомъ онъ нѣкоторое время, какъ и Сильвестръ Медвѣдевъ, былъ мірскимъ человекомъ и служилъ въ приказѣ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Новгородскому митрополиту Іову Дамаскинъ, противникъ Домецкаго, говоритъ, что онъ зналъ его, „егда онъ (Домецкій) въ мірѣ будучи, на приказѣ, въ Вершиловѣ селѣ игралъ съ ребята въ шары, и тогда также, якоже нѣкое великое дѣло вводилъ, показывалъ тоя игру,

¹⁾ Рукопись эта, in folio, принадлежитъ протоіерею Яхонтову и содержитъ въ себѣ три письма іеродіакона Дамаскина къ митр. Іову (на первыхъ 16 листахъ), затѣмъ самый „Остенъ“ Дамаскина на тетрадь неправыхъ толкованій Гавріила Домецкаго (лл. 17—234) и нѣкоторыя другія статьи.

которы у тамошнихъ робятъ еще не бывало. И тогда убо дѣтей руковождале во играхъ, самъ будучи не дитя, отецъ дѣтямъ и жену имущій¹⁾. Затѣмъ мы видимъ Домецкаго уже архимандритомъ и настоятелемъ Симонова монастыря. Въ этой послѣдней должности онъ заявилъ себя замѣчательною дѣятельностію. Симоновъ монастырь, въ которомъ приходилось ему начальствовать, не отличался особенною нравственностію монаховъ и внутреннимъ благоустроеніемъ, и Домецкій всѣми силами старался возстановить благочиніе и хорошее поведеніе монаховъ. Осталась цѣлая книга его сочиненій²⁾, въ которыхъ онъ вооружается противъ монастырскихъ пороковъ (особенно противъ пьянства)³⁾, съ одной стороны, а съ другой—старается изъяснить своимъ инокамъ положительныя ихъ обязанности, указывая, въ чемъ должно состоять подвижничество и высокое совершенство монашеской жизни, и какъ достигнуть этого совершенства. Обязанности эти Домецкій рисуетъ во многихъ изъ своихъ сочиненій, каковы: „Киновіонъ, или изображеніе евангельскаго иноческаго общаго житія, отъ святыхъ отецъ вкратцѣ собрано 1683 г.“, „Чинъ общежительный пречестныхъ... обителей... Симонова монастыря“⁴⁾, „Ученіе о совершенствѣ монашескомъ“⁵⁾, „Ученіе всегдашнее монастырское, како монахъ долженъ поучатися во святомъ монашескомъ чину и теченіе свое иноческое управлять“⁶⁾, „Путь къ вѣчности“⁷⁾ и друг. При этомъ весьма замѣчательно вліяніе западной казуистики на Домецкаго, усвоенной имъ, безъ сомнѣнія, въ Кіевской академіи. Въ сочиненіи: „Киновіонъ“, указывая три иноческія добродѣтели — нищету, чистоту и послушаніе, онъ представляетъ эти добродѣтели въ видѣ трехъ круговъ, пропикающихся одинъ другимъ, которые всѣ вмѣстѣ заключаются въ другомъ, большемъ кругѣ, означаемъ самое небо, такъ какъ тотъ, кто имѣетъ эти три добродѣтели, подобенъ по жизни самимъ небожителямъ⁸⁾; въ „Ученіи о совершенствѣ монашескомъ“ онъ указываетъ на 12 степеней, по которымъ „нудится монашеская

¹⁾ 1-е письмо Дамаскина къ Іову.

²⁾ Рукоп. библ. С.-Петербург. Дух. Акад., № 160.

³⁾ «Слово о пьяницахъ» трудомъ Гавріила Домецкаго, архимандрита Симоновскаго (139—146 лл. рукоп. С.-Петербург. Дух. Акад., № 160).

⁴⁾ Рукоп. С.-Петербург. Дух. Акад., 149—162 лл., № 160.

⁵⁾ Тамъ же, 2—21 лл., № 160.

⁶⁾ Тамъ же, 101—119 лл., № 160.

⁷⁾ Тамъ же, 22—45 лл., № 160.

⁸⁾ Рукоп. библ. С.-Петербург. Дух. Акад., № 160, л. 89.

душа", пока не достигнетъ совершенства ¹⁾). Также и по складу своего характера Домецкій является человѣкомъ католическо-польской среды. Въ этомъ отношеніи онъ очень много напоминаетъ Симеона Полоцкаго. Въ немъ вовсе нѣтъ великорусской монашеской суровости. Говори, напримѣръ, о распредѣленіи монастырскихъ доходовъ, онъ назначаетъ „архимандриту для чести обители платье городское, доброе, расы и сутаны сукна добраго и теплые,—бѣлы и лисьи свободно держати и сапоги держати сафьянные" ²⁾). Заботясь о комфортѣ въ жизни монаховъ, Домецкій наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы въ монастырѣ постоянно хранились разныя сласти и прянности, утѣшенія ради иноковъ, чтобы больнымъ давали все, что имъ необходимо, хотя бы по уставу монастырскому и не дозволялось употреблять извѣстную пищу: „Больному никогда поста нѣтъ" ³⁾), говорить онъ. А такіе взгляды вовсе не свойственны были суровымъ великорусскимъ монахамъ.

Въ Симоновомъ монастырѣ Домецкій оставался до 1690 г., а затѣмъ переведенъ былъ настоятелемъ въ Новгородскій Юрьевъ монастырь ⁴⁾). Здѣсь онъ сблизился съ Новгородскимъ митрополитомъ Іовомъ, который „какъ друга возвелъ его на высшую степень" ⁵⁾), приблизивъ его къ себѣ. Іовъ такъ полюбилъ Домецкаго, что весь отдался его вліянію, если вѣрить іеродіакону Дамаскину: „Нынѣ же твое архіерейство сотворивъ, яко дѣтище", пишетъ Дамаскинъ Іову, „тщится преосвященство твое мысленніи очи ослѣпити и водить ты, амо же ему возмнится" ⁶⁾)... Мы услышали, что ты его въ совѣтъ свой воспріялъ и положился на него и повѣрилъ ему" ⁷⁾).

Но для Домецкаго недостаточно было такого вліянія; онъ желалъ поколебать убѣжденія Іова и вмѣстѣ съ тѣмъ распространить пропаганду въ пользу „латинской части" (представителей кievскаго направления), и для этого онъ воспользовался слѣдующимъ случаемъ. Находясь въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Іовомъ, онъ нерѣдко получалъ отъ него на прочтеніе и даже просмотръ вновь выходящія книги и сочиненія. Такъ, изъ пространнаго письма его къ митропо-

¹⁾ Тамъ же, л. 5.

²⁾ Тамъ же, л. 178.

³⁾ Тамъ же, л. об. 186.

⁴⁾ Слов. историч., ч. I, стр. 76.

⁵⁾ 1-е письмо Дамаскина къ Іову.

⁶⁾ Тамъ же.

⁷⁾ 2-е письмо.

литу, съ замѣчаніями на сочиненіе Лихудовъ: „Обличеніе на гажда-тели Священнаго Писанія“, которое было написано ими въ Новгородѣ, мы узнаемъ, что Домецкій получилъ это сочиненіе на просмотръ отъ Іова. Это же письмо ¹⁾ показываетъ, что Домецкій нисколько не стѣснялся выражать Іову свои привязанности къ западному міру. Точно такимъ же образомъ получилъ онъ отъ Іова и книгу „Остенъ“. (Евѣимія и Лихудовъ). Можетъ быть, еще и прежде въ немъ являлось желаніе подорвать авторитетъ этой книги, но теперь представился болѣе удобный случай, и вотъ Домецкій написалъ на книгу „Остенъ“ возраженія, проникнутыя кіевскимъ направленіемъ, которыя и представилъ Іову. Но этимъ возраженіямъ не суждено было имѣть успѣха. Противъ нихъ возсталъ іеродіаконъ Дамаскинъ, и Домецкій потерялъ свое послѣднее довѣріе у Іова.

„Грубый“ ипокъ, какъ называетъ себя Дамаскинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Іову ²⁾, онъ былъ совершенною противоположностію Домецкому, начиная съ образа своей жизни. „Живу нынѣ“, говоритъ онъ, — „въ обители Чудовской, читаю псалмы съ праваго клироса, должность имѣю всегда съ прочіими отцы въ церковь и въ трапезу ходити четырежды въ сутки изъ келліи. Прочіи же остатокъ времени исходитъ на потребу тѣлесную, на рукодѣліе, или выйти на торгъ, или какова ради дѣла книжнаго къ кому сходить. И сихъ ради всѣхъ зѣло обрѣтаюся не празденъ“ ³⁾. Но эти обыденныя занятія не мѣшали Дамаскину быть человекомъ весьма образованнымъ. Онъ жилъ въ Чудовомъ монастырѣ, а здѣсь имѣли свое пребываніе ученики Епифанія Славинецкаго. Здѣсь жилъ Евѣимій, и это осталось не безъ вліянія на Дамаскипа. Этимъ также объясняется и то, отчего настроеніе Дамаскипа было противоположно схоластикѣ Домецкаго; они не могли сходиться по самому коренному различію своихъ убѣжденій, хотя отношеніе ихъ къ своимъ предшественникамъ по направленію было не совсѣмъ одно и то же. Гавріилъ Домецкій вполнѣ напоминаетъ намъ Медвѣдева и Симеона Полоцкаго, сочиненія котораго, безъ сомнѣнія, имѣли на него большое вліяніе. Это—человѣкъ одного съ ними склада и направленія; Дамаскинъ же, въ сравненіи съ Евѣиміемъ и Епифаніемъ, во многомъ пред-

¹⁾ Приложено къ означенному сочиненію Лихудовъ (см. рукоп. Сое. библ., № 1203).

²⁾ 1-е письмо.

³⁾ Тамъ же.

ставляетъ новый типъ. Дамаскинъ не преданъ исключительно кабинетному труженичеству, подобно Евонію и Епифанію Славинецкому. Онъ путешествуетъ на востокъ, въ Аѳонскіе монастыри, списываетъ тамъ монастырскіе уставы, снимаетъ планы и рисунки съ тамошнихъ священныхъ мѣстъ и зданій, и съ этимъ запасомъ возвращается въ отечество—и снова поселяется въ Чудовомъ монастырѣ. Здѣсь онъ, наравнѣ съ прочією братією, подвизается въ подвигахъ иноческой жизни, но главнымъ образомъ занимается учеными трудами: пишетъ разсужденіе о монашескомъ житіи Аѳона и Россіи, въ образѣ Аѳонской горы и Соловецкаго острова ¹⁾. Такимъ образомъ, Дамаскинъ не только просвѣщенный труженикъ, но и весьма любознательный и подвижной человѣкъ: въ одно и то же время онъ практикъ и теоретикъ, тогда какъ Епифаній и Евоній, по характеру своей дѣятельности, были преимущественно односторонними теоретиками.

Также, какъ и Домецкій, Дамаскинъ былъ очень хорошо извѣстенъ митрополиту Іову. Весьма интересно прослѣдить его отношенія къ Іову, потому что они, дополняя его характеристику, имѣютъ слишкомъ тѣсную связь съ его значеніемъ и дѣятельностію въ настоящемъ эпизодѣ.

Сначала, до своего монашества, Дамаскинъ былъ очень близокъ къ Іову и пользовался его расположеніемъ и благотѣяніями ²⁾; но потомъ, когда Іова сдѣлалъ настоятелемъ Московскаго Петровскаго монастыря, Дамаскинъ, бывшій уже монахомъ Чудова монастыря, началъ расходиться съ своимъ благотѣлемъ. Опъ нѣсколько разъ собирався зайти къ нему побесѣдовать, но это не удавалось. Другія лица, болѣе его замѣтныя, овладѣвали вниманіемъ Іова, и потому Дамаскинъ рѣшился не безпокоить болѣе своего благотѣля, и все досужее время употреблялъ на чтеніе и писаніе книгъ ³⁾. Іовъ, наконецъ, сдѣлался архіереемъ. Дамаскинъ ушелъ въ это время на Аѳонскую гору ⁴⁾. По возвращеніи въ Москву, онъ сошелся съ какимъ-то отцемъ Филаретомъ, который „удивилъ его своимъ прилежаніемъ“, слушая разказъ о Святой горѣ. Этотъ Филаретъ и помогъ Дамаскину возобновить знакомство съ Іовомъ, котораго зналъ,

¹⁾ 1-е письмо.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Тамъ же.

какъ „превеликаго охотника“ слушать такіе разказы. Филаретъ послалъ Іову письмо, которое имѣло свое дѣйствіе. „И отъ сего отца Филарета извѣщенія“, писалъ Дамаскинъ Іову, — „возбудися святѣи твоя, яко отъ сна, любити мя и жаловати, и осѣнивъ писанни твоими, даже до трижды,—и званъ быхъ отъ тебе“ ¹⁾). Тогда Дамаскинъ взялъ „нѣкая отъ книгъ и тетрадей своихъ, ихъ же имѣхъ у себе за велики вещи“ и отправился къ Іову. Это было на Пасхѣ. Іовъ занятъ былъ пріисканіемъ пустыннаго мѣста, потому что намѣревался оставить касседру, и многія лица искали ему обиталища. По его желанію и Дамаскинъ сталъ искать такого мѣста, и съ этою цѣлію путешествовалъ даже въ Соловецкій монастырь ²⁾); но Іовъ все что-то имѣлъ противъ него, и по возвращеніи Дамаскина, ни разу не призывалъ его къ себѣ для личной бесѣды. Это смущало Дамаскина; тѣмъ не менѣе онъ не ослабѣвалъ въ настойчивости. Онъ писалъ Іову объ Аѳонской горѣ, посылалъ ему книгу „Проскинитарій“, присовокупивъ къ ней и „своего тѣнѣнія многія листы писанныя, въ лицахъ всѣ монастыри Святѣи горскіе, и церкви, и трапезы, и скиты, и пещеры, идѣже“, говоритъ онъ, — „азъ своими ногами хождяхъ и своими глазами смотряхъ, и своими руками чертежи тѣ и лица писахъ“ ³⁾);—изъ чего также видно, что Дамаскинъ былъ не только человѣкъ образованный, но и художникъ. Но все это было напрасно: Іовъ чуждался свиданія съ нимъ. Дамаскинъ, наконецъ, поселился въ Московскомъ Чудовомъ монастырѣ. Отсюда онъ послалъ Іову письмо, то самое, изъ котораго мы заимствуемъ всѣ эти свѣдѣнія. Въ одномъ мѣстѣ этого письма онъ пишетъ Іову о своемъ горѣ, что среди монастырскихъ трудовъ не имѣетъ достаточно времени для ученыхъ занятій и для переписки на-бѣло рисунковъ Аѳонскихъ церквей и монастырей, которымъ, замѣчаетъ онъ, „подобало бы намъ подражать, а не латинскимъ и польскимъ“. Далѣе онъ продолжаетъ: „Къ сему еще имѣю и книги, зѣло полезныя, зачатыя,—ныня до половины написаны, ныня къ концу... книги, которыя лежатъ подъ кровомъ невѣдѣнія, а о умноженіи ихъ радѣніе отлагается, чесому латинская часть (представители кievскаго направленія) вельми радуется, видя въ насъ такое нерадѣніе, и въ томъ нашемъ косненіи тѣшится неуспѣшно... уловити насъ въ часть свою погибельную и отъяти отъ

¹⁾ 1-е письмо.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ 1-е письмо.

насъ православную вѣру нашу" ¹⁾). Это доказываетъ, что Дамаскинъ имѣлъ цѣль, и притомъ весьма серьезную, заискивая предъ митрополитомъ Іовомъ. „Латинская часть“, или представители кievскаго направленія, не давали ему покою, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ вблизи своего благопріятеля. „Сицевыхъ есть (и между нами)“, пишетъ онъ Іову въ томъ же письмѣ, — „нѣція клевети, паче же рещи: сицилійскаго онаго пожара главни, верженія вѣтромъ сатанинскимъ чрезъ Польшу и Кіевъ, и падшія посреди насъ, берестіемъ ересей и смолою лестій исполненія, дымящяся и куращяся, хотяще и здѣ сотворити запаленіе сицилійскаго онаго огня..., отъ нихъ же единого или двухъ видѣхъ и въ твоей богодарованной паствѣ, ихъ же имати за велики други и совѣтники“.

Одинъ изъ этихъ друзей и совѣтниковъ Іова и былъ извѣстный намъ Гавріилъ Домецкій. Отъ него-то и желалъ избавить Іова іеродіаконъ Дамаскинъ. Получивъ отъ Іова какими-то путями возраженія Домецкаго на книгу „Остенъ“, Дамаскинъ пишетъ Іову настоящее письмо по поводу этихъ возраженій, и весьма понятно, не жалѣетъ здѣсь красокъ, чтобы представить Домецкаго въ его настоящемъ свѣтѣ. Онъ упрекаетъ Домецкаго въ оскорбленіи патріарха Іоакима ²⁾), „пресловутаго въ православіи“ Евеміа, вселенскихъ патріарховъ, упрекаетъ его въ томъ, что онъ озлословилъ многоученыхъ мужей Лихудовъ ³⁾); называетъ его схизматикомъ, приравниваетъ къ еретикамъ и іезуитамъ ⁴⁾); говоритъ, что „хотя Домецкій и называется восточникъ, а на восточныхъ бѣды куетъ: патріарховъ облыгуетъ, Грековъ ненавидитъ, Кіевъ паче мѣры хвалитъ, въ Россіи книгъ не сказываетъ, ученія греческаго не любитъ: латинское ученіе хвалитъ и тѣмъ латинниковъ (представителей кievскаго направленія) хочетъ спасти. Грековъ отгналъ отъ спасенія и отрѣзался отъ нихъ, и самъ собою, яко сатана хочетъ стояти, забывъ благодѣтелей своихъ, отъ кого просвѣтился и просвѣщается; у себе хочетъ найти все вѣжество вѣры и монашество, не бывъ нигдѣ, точію читавъ латинскія и польскія книги, и оттуду умудрився; паче же обуювъ муд-

¹⁾ Тамъ же. Замѣчательно здѣсь сходство между Дамаскинымъ и Евеміемъ (см. прошеніе Евеміа къ патріарху Адріану объ изданіи книгъ. Опис. рук. Моск. синод. библ., II, 3, № 310).

²⁾ 1-е письмо.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ 1-е письмо.

рыхъ сущихъ и искусныхъ называетъ невѣжами и дураками, которыхъ самъ ниже перста ноги ихъ достоинъ" ¹⁾).

Вмѣстѣ съ этимъ Дамаскинъ упрекаетъ Іова и въ томъ, зачѣмъ онъ поддался вліянію Домецкаго и даже сдѣлалъ его настоятелемъ первой обители: „Мало тебѣ“, пишетъ онъ, — „мнѣшася быти, еже книги польскія и латинскія читати, и уніатовъ поволяти предъ собою разглагольствовати и церковное строеніе по польски строити... И се въ koliko великая попользованія проишде яко и Поляки вѣдомны волеи въ пастыри поставляеми" ²⁾. Но не слѣдуетъ думать, чтобы Дамаскинъ говорилъ это изъ зависти. Іовъ посмалъ его въ Юрьевскій монастырь, гдѣ настоятельствовалъ Домецкій, но Дамаскинъ самъ не пошелъ: „Еще въ сей же монастырь мене посмалъ еси..., и азъ ослушася тебе и не идохъ" ³⁾... и потому предалъ ты обитель ту не пріятелю. Но я, владыко святой“, продолжаетъ Дамаскинъ, — „хоть и самъ не пошелъ, но вмѣсто себя указалъ бы тебѣ людей православныхъ, а не инославныхъ“. Этотъ же человекъ и тебя самого сдѣлаетъ ни православнымъ, ни инославнымъ („сотворить тя пестра"...), потому что каковъ онъ самъ, такимъ хочетъ сдѣлать и твое преосвященство. Далѣе, Дамаскинъ умоляетъ Іова украшать церкви по греческимъ образцамъ, а не по польскимъ, „искать древняго красносодѣяннаго благочинія монастырскаго“, которое обрѣтается на Аѳонской горѣ; — потому что хотя Кіевляне и отъ Святой горы получили свой монастырскій уставъ, но отъ близкаго сосѣдства съ Поляками измѣнили смиренное на гордое, какъ въ одеждахъ, такъ и въ прочихъ поступкахъ и нравахъ, по подобію латинянъ. Если же хочешь насладиться чтеніемъ писанія и книгъ божественныхъ, продолжаетъ Дамаскинъ, — то благоволи поискать и призвать къ себѣ греческихъ переводчиковъ и писцовъ, и узнаешь, какая полнота писанія находится на еллино-греческомъ языкѣ, и что нѣтъ намъ никакой нужды въ латинникахъ: можно намъ обойтись и безъ нихъ. Не Богъ посылаетъ ихъ къ намъ, а сатана для прельщенія, а не для исправленія. Видитъ очевидный, что паступаетъ уже послѣднее время вѣка сего, потому и спѣшитъ показать намъ своего антихриста. Избравъ сосудомъ своимъ славобиваго папу, побуждаетъ его день и ночь готовить тронъ себѣ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ 1-е письмо. Здѣсь мы снова видимъ поразительное сходство между Дамаскинымъ и Евфиміемъ, отказавшимся отъ архіерейства.

для того, чтобы, когда настанетъ время и явится антихристъ, люди не узнали, что это антихристъ. Потому-то папа и расширяетъ господство свое, называетъ себя главою всѣхъ и вторымъ Христомъ, вмѣсто Христа истиннаго, и на престолѣ, на которомъ совершаются святныя Тайны, садится сѣдалищемъ своимъ: „Сего антихристова царства, еще великъ, еще малъ, обаче расширитель есть и сей о немъ же донесохъ твоему преосвященству“.

Письмо это Дамаскинъ кончаетъ сообщеніемъ, что вмѣстѣ съ симъ посылаетъ Іову и свои отвѣты на полученныя отъ Іова возраженія Домецкаго. Отвѣты эти и составляютъ главный интересъ настоящаго эпизода, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ ними, въ одномъ и томъ же порядкѣ, приведены у Дамаскина и возраженія Домецкаго на книгу „Остенъ“, которыя, какъ нельзя лучше, характеризуютъ пустую и лживую личность ихъ автора, съ одной стороны, а съ другой—весьма необходимы для пониманія отвѣтовъ Дамаскина.

Въ своихъ возраженіяхъ Домецкій говоритъ объ исторіи появленія и распространенія книги „Остенъ“ и о ея содержаніи. Онъ начинаетъ съ того, какъ онъ познакомился съ „Остеномъ“, и какъ распространяли эту книгу: „Привозилъ ко мнѣ казать въ Симоновъ монастырь іеродіаконъ Стефанъ Сахаровъ; тогда была скорописью писана и поменьше нынѣшнія, объ одномъ пресуществленіи; тогда тетради тѣ развозили тайно съ Чудова монастыря, и ходатаи первые были: Афанасій, діаконъ Вѣлорусецъ, да Игнатій Корсаковъ (1-е возраженіе). Далѣе онъ говоритъ, будто Медвѣдевъ обличалъ за эту книгу патріарха Іоакима въ Крестовой церкви (2-е возраженіе), и что никто не приставалъ тогда (когда шелъ споръ о времени пресуществленія) къ мнѣнію Іоакима и его единомышленниковъ; даже патріархъ Адріанъ, бывшій тогда митрополитомъ Казанскимъ, и тотъ притворялся только предъ Іоакимомъ, нисколько не раздѣляя его образа мыслей, хотя былъ ближе всѣхъ къ патріарху и зналъ всѣ его тайны... Къ Домецкому же, по его словамъ, Адріанъ былъ очень милостивъ, ничего не скрывалъ отъ него и почти всякій день присылалъ къ нему іеродіакона Стефана (3-е возраженіе). И тогда Адріанъ говорилъ Домецкому, что патріархъ Іоакимъ и самъ не радъ былъ, взявшись за такое дѣло, и много разъ со слезами жаловался на монаха Евимію-справщика, который подбилъ его на это и прежде подбивалъ на подобныя дѣла. Іоакимъ продолжалъ вести это дѣло по неволѣ, изъ стыда, потому что нельзя было отстать.

Книга же „Остенъ“ написана послѣ смерти Іоакима, и теперь раздается тайно, какъ и прежде (4-е возраженіе). Удивляться нужно только одному, говоритъ Домецкій,—какъ это Евѣимій, ни діаконъ, ни попъ, и не ученый, не умѣющій говорить связно и краснорѣчиво, достигъ такого вліянія на патріарха Іоакима, что увлекъ его на возмущеніе всей церкви и ослѣпилъ многихъ, которые пристали къ нему какъ къ Богослову (5-е возраженіе), хотя, съ другой стороны, не понятно, отчего этотъ же Евѣимій не разсуждалъ о пресуществленіи при Алексѣѣ Михайловичѣ и святѣйшемъ патріархѣ Никонѣ, и зачѣмъ онъ не показывался при славныхъ учителяхъ Епифаніѣ и Симеонѣ (6-е возраженіе). Когда же онъ пережилъ этихъ учителей и увидѣлъ, что спорить не кому, тогда онъ и началъ проповѣдывать грубымъ неучамъ такое великое дѣло, о которомъ и опытнымъ богословамъ говорить страшно (7-е возраженіе). И вчалъ Евѣимій это дѣло, говоритъ Домецкій,—въ смутное время, безъ собора всероссійской церкви (8-е возраженіе),—тогда какъ нужно было созвать соборъ въ мирное время, пригласить всѣхъ архіереевъ и архимандритовъ, изложить подробности дѣла, собрать книги: катихизисъ и другія древнія учительныя писанія, испытать и разсудить явно предъ всѣми и увѣрившись подтвердить всѣмъ соборомъ и надписать собственноручно, и не тайно, подъ закоулками, и проч. (9-е возраженіе). И удивительно при этомъ, что Евѣимій увлекъ за собою учителей Софронія и Іоанникія, которые впрочемъ не рады были, что впутались въ такое дѣло, и постоянно искали дыры, чтобы выльзти (10-е возраженіе). Учителя эти, по словамъ Домецкаго,—Евреи, и пріѣхали въ Москву лишь только вышедши изъ училища, и даже не были пострижены, о чемъ били въ Москвѣ челомъ патріарху (11-е возраженіе). Въ такомъ родѣ продолжаетъ Домецкій и слѣдующія свои возраженія (всѣхъ возраженій и отвѣтовъ Домецкаго—105); но мы здѣсь остановимся и посмотримъ, что отвѣчалъ на эту дерзкую ложь іеродіаконъ Дамаскинъ.

Спокойно, и между тѣмъ, весьма основательно опровергаетъ Дамаскинъ Домецкаго. Онъ указываетъ, что книга „Остенъ“ не развозилась тайно, и патріархъ Іоакимъ вовсе не имѣлъ въ этомъ нужды, да и люди, на которыхъ указываетъ Домецкій, вовсе не лазутчики, но честные и ученые мужи (1-й отвѣтъ). Если же Медвѣдевъ, будучи монахомъ, укорялъ великаго отца, Всероссійскаго патріарха, то это не дѣлаетъ ему чести. Это дѣло не христіанское, а дѣвольское, въ

которомъ раскаялся самъ Медвѣдевъ, прося у патріарха прощенія. Также раскаялся онъ и въ дерзкихъ укоризнахъ и навітахъ противъ монаха Евѳимія и прочихъ защитниковъ преданія восточной церкви (2-й отвѣтъ). Адріанъ, бывъ митрополитомъ, вовсе не притворялся предъ Іоакимомъ, потому что когда Богъ возвелъ его на патріаршество, онъ не отвергъ ученія Іоакима, а напротивъ и самъ держался его крѣпко. Что же касается до любви къ тебѣ патріарха Адріана, продолжаетъ Дамаскинъ,—то мы ничего не слыхали о ней. А знаемъ только, что когда ты былъ уже въ изгнаніи (?), и однажды въ монастырѣ Иверскомъ занялъ первое мѣсто между архимандритами, то патріархъ Адріанъ очень гнѣвался на то, считая тебя не только недостойнымъ начальства, но и заслуживающимъ строгихъ наказаній, а это показывастъ не любовь, а крайнее негодованіе (3-й отвѣтъ). Патріархъ Іоакимъ вовсе не жаловался, что началъ это дѣло, и не гнѣвался на Евѳимія. Иначе, кто же воспретилъ бы Іоакиму прогнать отъ себя Евѳимія, простаго монаха; но онъ этого не сдѣлалъ, и Евѳимій пользовался милостями даже и патріарха Адріана (4-й отвѣтъ), не смотря на то, что былъ простой инокъ. Хотя въ словахъ его не связно и не складно, но онъ умѣлъ доказывать и защищать истину... Я думаю, ты не написалъ столько для защиты лжи, сколько Евѳимій потрудился для истины. И хотя онъ не діаконъ и не попъ, то не дивись этому. Ему предлагали и архіерейство, но онъ отказался отъ этого сана (5-й отвѣтъ). Если жъ онъ не начиналъ дѣла при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и святѣйшемъ патріархѣ Никонѣ, то потому, что тогда не было въ Россіи латинномудрствующихъ людей. Тогда всѣ вѣровали, что совершеніе святыхъ таинъ бывастъ чрезъ призваніе Святаго Духа, а не словами: пріимите, ядите (6-й отвѣтъ).....

Вотъ нѣсколько возраженій Домецкаго и отвѣтовъ Дамаскина, благодаря которымъ мы знакомимся съ историческою частію полемики, составляющею самую интересную сторону этихъ возраженій и отвѣтовъ. Сравнительно съ предшествующими спорами здѣсь является совершенно новый элементъ, проливающій новый свѣтъ на прошедшую исторію борьбы. Но далѣе, гдѣ идетъ рѣчь о книгѣ „Остенъ“ и ея содержаніи (съ 13-го возраженія), пастоящая полемика теряетъ свою новизну и во многомъ напоминаетъ недавнюю борьбу Лихудовъ съ Медвѣдевымъ. Въ возраженіяхъ Домецкаго мы видимъ тѣ же искаженія свидѣтельствъ святыхъ отцевъ (для защиты своего неправильнаго мнѣ-

нія), которыя находятся въ „Выкладѣ“ и въ „Маниѣ“ ¹⁾). Также и въ отвѣтахъ Дамаскина (въ доказательство православнаго ученія о пресуществленіи) приводятся встрѣчавшіяся въ „Акосѣ“, „Остенѣ“ и другихъ сочиненіяхъ мѣста изъ Священнаго Писанія, свидѣтельства святыхъ отцевъ, каноническія и филологическія указанія ²⁾), хотя по своему характеру эти отвѣты совсѣмъ не похожи на полемику Лихудовъ, преобладавшую въ предшествующемъ періодѣ. У Дамаскина вовсе не видно діалектическаго развитія, и въ его отвѣтахъ, поэтому, гораздо менѣе разсужденій отъ разума, чѣмъ точныхъ указаній и свидѣтельствъ. Особенно изобилуетъ его „Остенъ“ указаніями библиографическими. Совсѣмъ обратное отношеніе мы видимъ между Домецкимъ и Медвѣдевымъ. Если между полемикою Лихудовъ и полемикою Дамаскина не много сходства, то между сочиненіями двухъ названныхъ латинниковъ сходство полнѣйшее. Медвѣдевъ, по отзыву Остена, „уста имѣя бездверна, и изъ гортани изрыгающъ ядъ душегубительный всякаго лжесловія и коварствъ“ ³⁾). Эти качества отразились и въ его сочиненіяхъ. И въ возраженіяхъ Домецкаго также мы видимъ одно только пустословіе ⁴⁾), намѣренное искаженіе истины ⁵⁾), внутреннее противорѣчіе съ своими собственными мнѣніями ⁶⁾) и даже ругатель-

¹⁾ Ср. возраженія Домецкаго съ «Обличеніемъ на Выкладѣ» (въ «Остенѣ») и съ «Покаяннымъ исповѣданіемъ Медвѣдена», гдѣ послѣдній говоритъ о своей «Маниѣ».

²⁾ Ср. отвѣты Дамаскина съ «Акосомъ» и «Остеномъ».

³⁾ Остенъ, стр. 74—75; по въ отношеніи къ Медвѣдеву, отзывъ этотъ, какъ мы говорили ранѣе, долженъ быть значительно умѣренъ.

⁴⁾ До чего доходило пустословіе Домецкаго, прекрасно выражаетъ Дамаскинъ въ одномъ мѣстѣ своего «Остена», говоря (обращаясь къ Дамаскину): «Глаголати убо много любяши, истинствовать же мало» (л. 106 об.).

⁵⁾ Высказывая, напримѣръ, укорительныя замѣчанія о книгѣ Остена, Домецкій говоритъ, что эта книга, приводя свидѣтельства Симеона Солунскаго, не указываетъ сочиненія этого святаго отца, въ которомъ приведено указанное свидѣтельство: «и сія явная и безстыдная лжа», прибавляетъ Домецкій по этому случаю («Остенъ» Дамаскина, л. 81 об.). На самомъ же дѣлѣ въ словахъ самого Домецкаго есть явная и безстыдная ложь (въ чемъ поспѣю упрекать его Дамаскинъ). Въ Остенѣ выстъ съ свидѣтельствомъ Симеона Солунскаго указано и сочиненіе его, и даже та глава, изъ которой заимствовано это свидѣтельство. (См. 22—23 стр. печатнаго изданія «Остена»).

⁶⁾ На л. 14 об. «Остена» Дамаскина, въ одномъ изъ своихъ возраженій (13), Домецкій говоритъ, что «книга Остенъ писана не авторски и не по ученому чину», а на л. 178—180 говоритъ, что «Остенъ наполненъ украшеніями и мно-

ства ¹⁾. Однимъ словомъ, это — мелкій кляузникъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ во множествѣ производила католическо-польская система воспитанія съ ея неизбѣжными диспутами и панегириками.

При этомъ снова поднимается вопросъ: какими путями и средствами этотъ человѣкъ взялъ силу надъ великимъ архипастыремъ, и не преувеличиваетъ ли іеродіаконъ Дамаскинъ, описывая дѣйствительныя отношенія митрополита Іова къ Дамаскину? Къ сожалѣнію, близкія отношенія между ними были весьма возможны, и объясненіе этого грустнаго явленія мы находимъ въ томъ же письмѣ Дамаскина, изъ котораго уже заимствовали такъ много свѣдѣній. Говори, что Домецкій „дѣлаетъ дѣла не истинно, но притворствомъ“, Дамаскинъ указываетъ на то, что онъ поддѣлывается къ Іову „политичными... иѣвонными дѣлами, яко лѣкарствы и ухи и напитки вымышляетъ и угрождаетъ“. Значитъ, Домецкій расположилъ къ себѣ Іова не особенными какими-либо талантами, а угодливостію и іезуитскимъ умѣньемъ подлаживаться къ лицамъ и обстоятельствамъ.

Труды свои или свою книгу о возраженіяхъ Домецкаго Дамаскинъ послалъ къ Іову вмѣстѣ съ извѣстнымъ намъ письмомъ 8-го іюля 1705 г. чрезъ отца Пимена Святогорца. Не прошло нѣскольکو дней, какъ Дамаскинъ послалъ къ Іову второе письмо, уже по почтѣ, отъ 13-го іюля того же года, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы не оставилъ Іовъ его труды безъ вниманія, но прочиталъ бы посланную со Святогорцемъ книгу. „Прочти Господа ради долготерпѣливо и прости мя“, пишетъ онъ въ концѣ этого письма. Съ другой стороны, этимъ письмомъ Дамаскинъ желалъ еще разъ напомнить Іову, чтобы онъ остерегался Домецкаго и не слишкомъ сближался съ нимъ. Но Іовъ ничего не отвѣчалъ на эти письма, и Дамаскинъ, интересуясь знать — какъ принята митрополитомъ его книга, въ октябрѣ того же года послалъ въ Новгородъ третье письмо, въ которомъ еще разъ доказываетъ важность своей книги на Домецкаго. „Знаю я“, пишетъ Дамаскинъ въ этомъ письмѣ, — „что твое преосвященство болѣе всего желаешь получить отъ меня книгу: „Грѣшныхъ спасеніе“. Но и эту книгу пишу и до-

гоплодно написанъ въ прелесть неученому народу», очевидно противорѣчи такимъ образомъ своему первому мнѣнію, въ чемъ и упрскаетъ его здѣсь Дамаскинъ (стр. 178—180).

¹⁾ Ругательный тонъ Домецкаго доходитъ до того, что Дамаскинъ теряетъ всякое терпѣніе и упраскиваетъ его не разъ «не ланти безстыдно». (См. примѣръ, л. 81 об. «Остена» Дамаскина).

канчиваю, хотя и медленно. Тѣ же 105 отвѣтовъ (на возраженія Домецкаго) вмѣстѣ нѣжными были грѣшныхъ спасеніи книги. Все равно, какъ если гдѣ случится какая напасть, особенно пожаръ, то случившіеся тамъ люди, нисколько не медля, кричатъ изо всей силы у дома, находящагося въ опасности, и стараются спасти его. Такъ и худость моя, преосвященнѣйшій владыко, егда узрѣхъ головню сицилійскаго огня, упавшую посреди твоей паствы, дымящую и курящуюся, то не ожидалъ отъ нея ничего, кромѣ вреда и пакости твоей архіерейской паствѣ и твоему душевному дому, жалостію возжалѣхъ и закричалъ во все мое грѣшное горло, застучалъ въ доску и зазвонилъ въ колоколъ. И видя такое куреніе, не сталъ я дожидаться ученыхъ людей, но заговорилъ, хоть и худо, и не красиво, и не такъ стройно, какъ пишутъ даскалы. Они, о чемъ ни заговорятъ, излагаютъ все благочинно, хотя и то же самое, что и мы. Но не удалось имъ теперь увидѣть начинающагося пожара, а мнѣ маломощному и малому человеку изволилъ блаженство твое открыть сію тайну, не яко достойному и разумному, но яко къ нуждѣ нѣкому изъ послѣднихъ друзей другу. Узнавъ объ этомъ, изумился я и не могъ тотчасъ дать отвѣтъ противъ онаго раскольническаго писанія, но отложилъ это дѣло на нѣкоторое время, въ теченіе котораго все писалъ и написалъ. Желаю при этомъ преосвященству твоему и паствѣ твоей и всей церкви мира отъ соблазновъ и тишины отъ возмущеній, а себѣ прошу оставленія грѣховъ моихъ, святительскихъ твоихъ молитвъ и благословенія. И вотъ теперь я жду ничтоже вѣда, еще пріятно, или не пріятно, тебѣ мое приношеніе (довѣтвованіе). А впрочемъ, если будетъ тебѣ и не пріятно, то Богъ всевѣдущій воздастъ каждому по дѣломъ его“¹⁾).

Труды Дамаскина не пропали даромъ: Іовъ сталъ внимательнѣе наблюдать за Домецкимъ, сталъ обсуждать, что внушалъ ему этотъ Кіевлянинъ, и наконецъ, вполне понялъ его. Въ 1708 году мы находимъ уже такіе отзывы Іова о Домецкомъ: „Всепагубный врагъ діаволъ всегда народъ христіанскій поглотити желаютъ, подобно ему и его слуга, во плоти д..... (такъ въ подлинникѣ), Домецкій безъ зла не уснаетъ, на перѣ и словеснѣ всегда кается, а извнутри всепагубныя души его на премногихъ смертностный ядъ его повсюду износится. Не глаголю много о благодарныхъ сигклитикахъ, но и на

¹⁾ Письмо 3-е.

духовныхъ премного зіаетъ и уста своя, яко адъ, живо расширяя оглашаетъ, яже здѣ не дѣтъ есть святыни твоей явити“¹⁾).

Этимъ и закончился настоящій эпизодъ той закулисной, тихой борьбы съ представителями кievскаго направленія, которая послѣ Московскаго собора 1690 г. велась, вѣроятно, и въ другихъ концахъ нашего широкаго отечества. Этимъ и мы закончимъ нашъ скромный, и конечно, не вполне подробный и обстоятельный очеркъ, потому что остается еще не мало архивныхъ матеріаловъ, которые со временемъ—можно надѣяться—украшать новыми интересными подробностями описанную здѣсь борьбу.

Но остается еще одинъ послѣдній вопросъ: какое значеніе имѣла вся эта борьба? Вѣдь не прошла же она безслѣдно въ русской жизни XVII и XVIII вѣковъ?

Для своего времени полемика эта имѣла болѣе отрицательное, чѣмъ положительное значеніе. Правда, она познакомила Россію съ западомъ и католическимъ міромъ, но это знакомство слѣдуетъ отнести болѣе къ умственной, чѣмъ къ церковно-религіозной жизни Русскаго народа, къ которой она имѣла прямое отношеніе. Въ послѣднемъ отношеніи полемика эта не внесла ничего новаго въ сокровищницу русской жизни, а только удержала въ цѣлости и не поврежденности то, что составляло безцѣнный даръ Русскихъ людей—православіе и честное, здоровое великорусское направленіе. Еслибъ Епифаній Славинецкій, патріархъ Іоакимъ, Евфимій и другіе представители великорусскаго направленія оставались безучастными къ движенію въ пользу кievскихъ новшествъ (что, безъ сомнѣнія, невозможно), послѣднія, своимъ шумнымъ потокомъ, исказили бы понятія и убѣжденія очень многихъ сыновъ нашего отечества; представители кievскаго направленія тогда одержали бы верхъ надъ великоруссами, и „латинская часть“ восторжествовала бы. Но этого, къ счастью, не случилось. Не меньшее значеніе имѣла эта борьба и для будущаго. Въ XVIII столѣтіи, какъ извѣстно, въ Москву снова проникаютъ выходцы изъ южной и юго-западной Руси, и на этотъ разъ не на короткое время, не для временной борьбы и не для подчиненія другимъ, болѣе ихъ ученымъ и образованнымъ Великоруссамъ, а для

¹⁾ См. письмо Іова къ троицкому архимандриту Сильвестру отъ 17-го сентября 1708 года (въ сборникѣ писемъ митрополита Іова, хранящемся въ Софійской библіотекѣ).

полнаго господства въ ученомъ мірѣ и въ дѣлѣ всей великорусской образованности. Для этихъ-то людей и было урокомъ недавнее пропедисе. Они знали, какъ принято было кievское направленіе въ лицѣ ихъ предшественниковъ и уже остерегались слишкомъ выдавать свои привязанности къ западно-католическому міру. Такимъ образомъ борьба, описанная здѣсь, была, съ одной стороны необходимымъ явленіемъ своего времени, а съ другой — имѣла историческое значеніе и для будущаго.

С. Любимовъ.
